

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 21 МАЙ 1985
МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.
9 МАЯ 1985 ГОДА.
1945

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 21 (3018)

18—25 МАЯ

МИР ОТСТОЯ

ВОЕННЫЙ ПАРАД НА

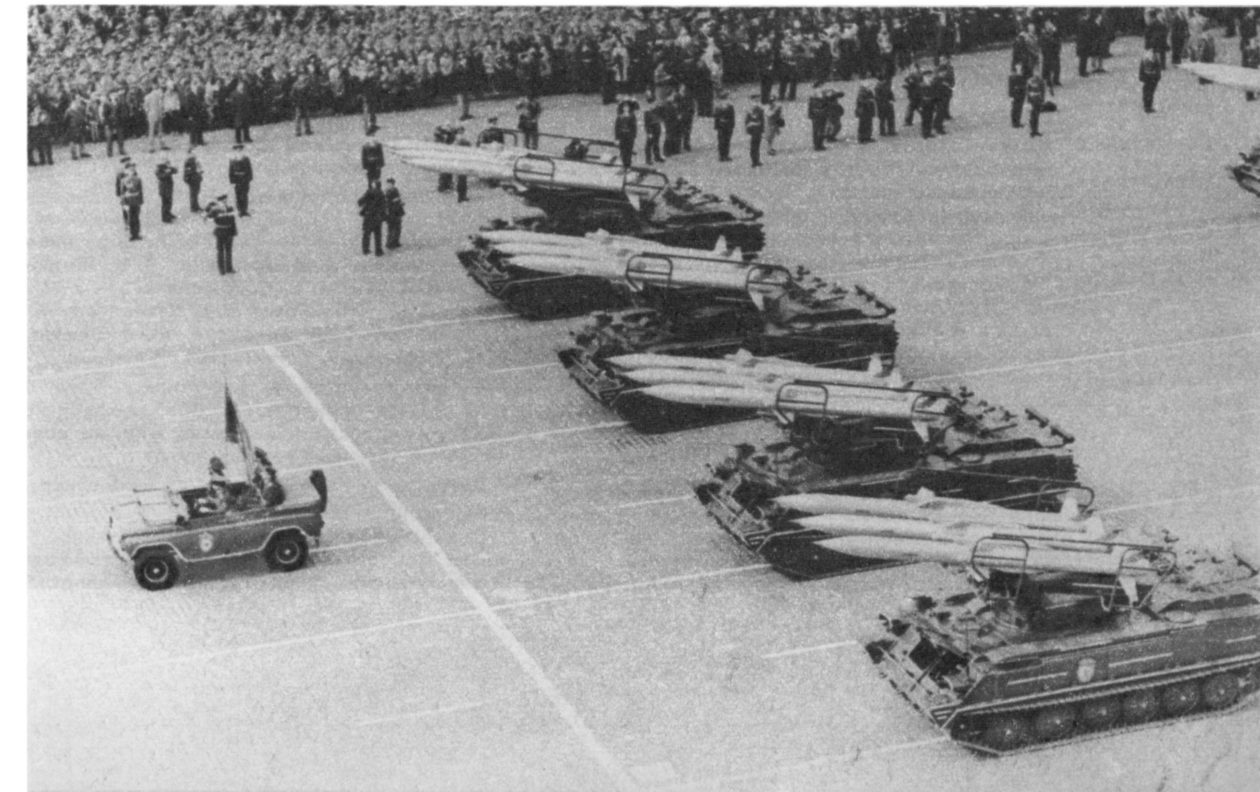

ЛИ—МИР ЗАЩИТИМ!

КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ В МОСКВЕ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА, А. ГОСТЕВА и А. НАГРАЛЬЯНА

ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ НЕМЕРКНУЩ

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ В КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ СЪЕЗДОВ, ПОСВЯЩЕННОЕ 40-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В

8 мая в Москве, в Кремлевском Дворце съездов собрались Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда, полные кавалеры ордена Славы и ордена Трудовой Славы, приехавшие на торжества из всех братских республик, представители трудящихся столицы и Подмосковья, воины Советских Вооруженных Сил.

В зале — прибывшие в СССР на празднование 40-летия Победы партийно-правительственные делегации социалистических стран, представители коммунистических и рабочих партий, партийно-правительственные делегации освободившихся стран, представители социалистических, социал-демократических и других партий, государственные деятели, представители международных демократических и зарубежных общественных организаций, иностранные ветераны войны. Присутствуют главы дипломатических представительств, аккредитованные в Советском Союзе, советские и иностранные журналисты.

Бурными, продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся товарищей **М. С. Горбачева, Г. А. Алиева, В. И. Воротникова, В. В. Гришина, А. А. Громыко, Е. К. Лигачева, Г. В. Романова, М. С. Соломенцева, Н. А. Тихонова, В. М. Чебрикова, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, С. Л. Соколова, М. В. Зимянина, В. П. Никонова, К. В. Русакова.**

В президиуме также заместители Председателя Совета Министров СССР, руководители ряда министерств и ведомств, видные военачальники, ветераны войны и труда.

Здесь же — главы делегаций социалистических и ряда других стран.

Торжественное собрание, посвященное 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, открыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского горкома партии **В. В. Гришин.**

Под звуки воинского марша в зал вносят знамя Победы, взвившееся четыре десятилетия назад над поверженным рейхстагом, знамена трех видов Вооруженных Сил СССР. Их устанавливают на сцене рядом с изображением ордена «Победа». У знамен застыл почетный караул.

Слово предоставляется Генеральному секретарю Центрального Комитета КПСС **М. С. Горбачеву.** Он выступил с докладом «Бессмертный подвиг советского народа». Доклад был выслушан с большим вниманием и неоднократно сопровождался продолжительными аплодисментами.

Затем выступили: ветеран Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза, механик строительно-монтажного управления № 4 «Мосметростроя» **А. С. Морухов,** участник пар-

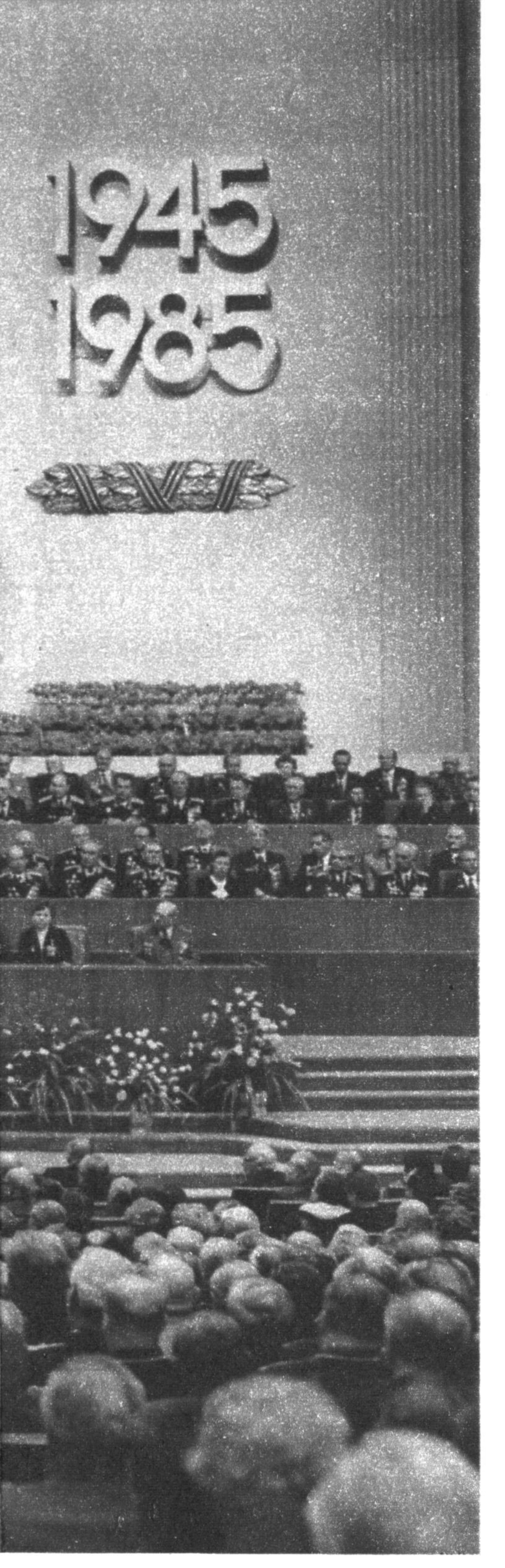

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

ИЙ СВЕТ

ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

тизанского движения в Белоруссии, Герой Советского Союза, заведующий лабораторией Института торфа Академии наук Белорусской ССР **Ф. А. Малышев,** ветеран труда, Герой Социалистического Труда, слесарь завода имени В. И. Ленина города Перми **А. И. Мишланов,** трижды Герой Социалистического Труда, президент Академии наук СССР **А. П. Александров,** Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Большевик» Житомирской области **Л. А. Любченко,** член Президиума, секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии **М. Якеш.**

Перед собравшимися с приветствием выступили представители Вооруженных Сил СССР и советской молодежи.

С большим подъемом было принято приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР.

ВОЗЛОЖЕНИЕ ВЕНКОВ К МАВЗОЛЕЮ В. И. ЛЕНИНА И МОГИЛЕ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

8 мая товарищи М. С. Горбачев, Г. А. Алиев, В. И. Воротников, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Е. К. Лигачев, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, В. М. Чебриков, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, С. Л. Соколов, М. В. Зимянин, В. П. Никонов, К. В. Русаков посетили Мавзолей В. И. Ленина и возложили венок от Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

Затем они направились к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены. Здесь выстроились части Московского гарнизона.

Советские руководители подходят к могиле Неизвестного солдата и возлагают венок. На алой ленте надпись: «Павшим в боях за свободу и независимость социалистической Родины от ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР».

Минутой молчания они почтили память советских воинов, отдавших жизнь во имя свободы и независимости социалистической Отчизны, во имя мира во всем мире.

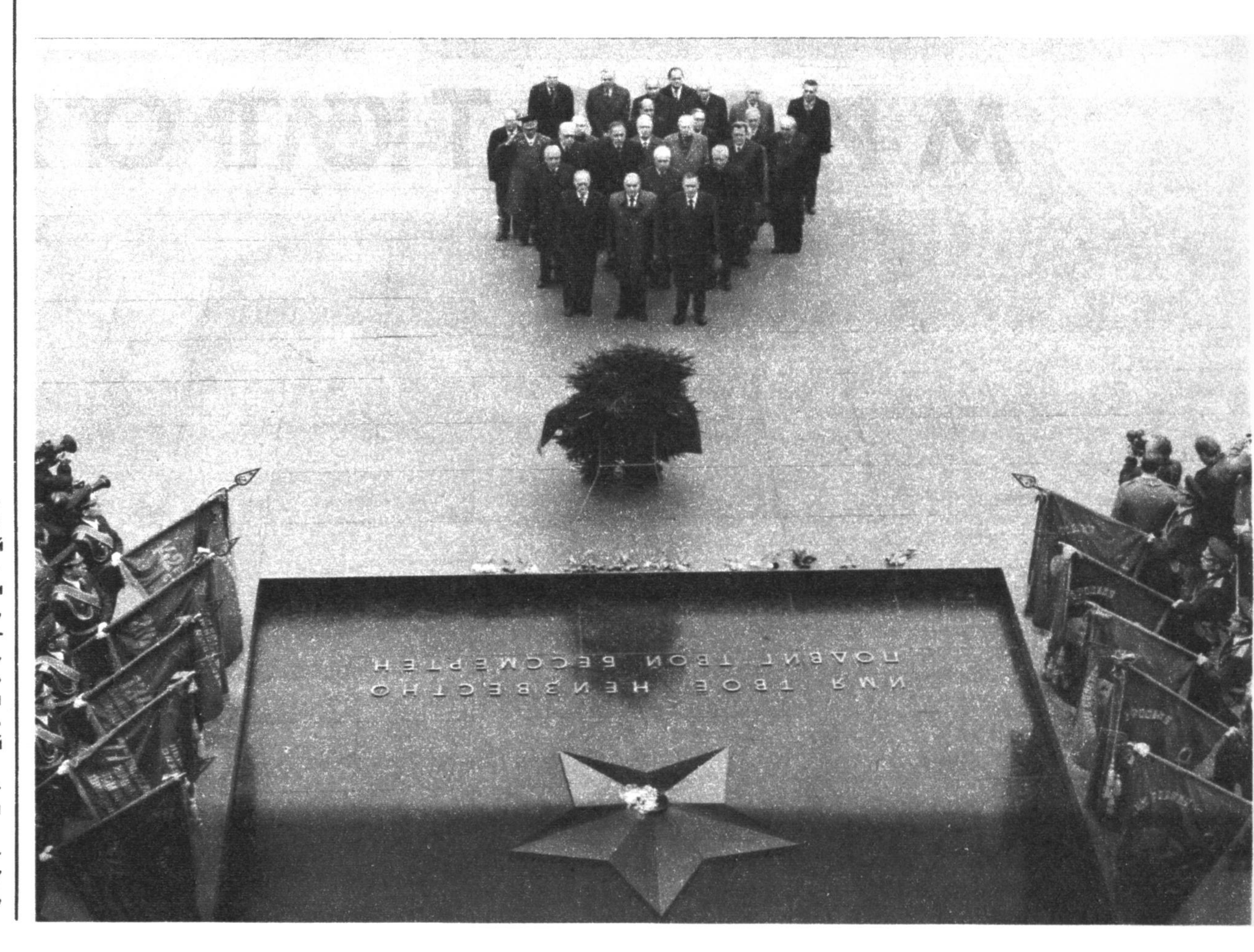
Гремит троекратный ружейный салют, звучит Гимн Советского Союза.

Отдавая воинские почести павшим героям Великой Отечественной войны, перед могилой Неизвестного солдата торжественным маршем проходят воинские подразделения.

Вместе с советскими руководителями венки к Мавзолею В. И. Ленина и могиле Неизвестного солдата возложили заместители Председателя Совета Министров СССР, советские военачальники, члены бюро МГК КПСС и исполкома Моссовета, члены бюро МК КПСС и исполкома Мособлсовета.

Венки были возложены также от Президиума Верховного Совета РСФСР и Совета Министров РСФСР, от воинов Вооруженных Сил СССР, трудящихся Москвы и столичной области.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

МИР ОТСТОЯЛИ—МИ

Р ЗАЩИТИМ!

Фото А. БОЧИНИНА

ПОСВЯЩАЕТСЯ НЕМЕЦКИМ АНТИФАШИСТАМ

Во время митинга.

Фото А. Чумичева (ТАСС)

5 мая в подмосковном городе Красногорске состоялось торжественное открытие Мемориального музея немецких антифашистов.

На это знаменательное событие прибыли Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР Э. Хонеккер, Председатель Германской коммунистической партии Г. Мис, Председатель Социалистической единой партии Западного Берлина Х. Шмитт, член Президиума и Секретариата Правления ГКП Ю. Ангенфорт, дочь Э. Тельмана — Ирма Габель-Тельман.

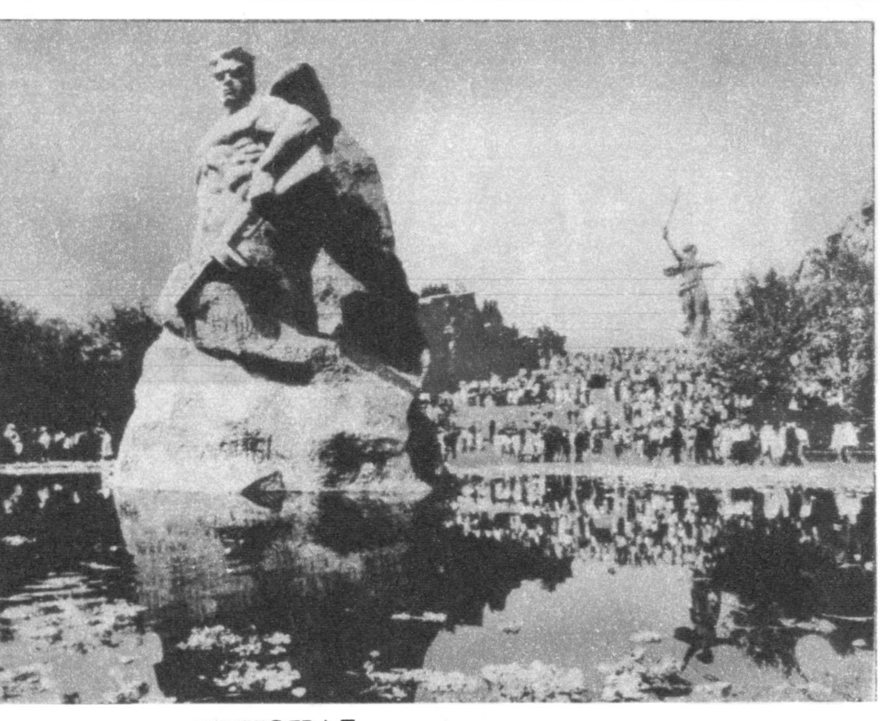
По инициативе ЦК КПГ здесь, в Красногорске, в июле 1943 года был создан национальный комитет «Свободная Германия».

В торжественном открытии музея приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демичев, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, первый секретарь МК КПСС В. И. Конотоп, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, Председатель Центрального правления советского Общества дружбы с ГДР, председатель Гостелерадио СССР С. Г. Лапин, первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. В. Загладин, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил — первый заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев, заместитель заведующего Отделом ЦК КПСС Г. Х. Шахназаров, заместитель министра иностранных дел СССР Б. И. Аристов, председатель исполкома Мособлсовета В. С. Пестов.

Здесь же — посол ГДР в СССР Э. Винкельман.

* * *

В этот же день в Москве состоялся митинг, посвященный закладке памятника выдающемуся деятелю германского и международного коммунистического и рабочего движения Эрнсту Тельману. Памятник будет сооружен на площади, названной его именем.

ВОЛГОГРАД.

ЛЕНИНГРАД.

9 МАЯ 1985 ГОДА

КИЕВ.

МИНСК.

Три года назад майский (1982 г.) Пленум ЦК КПСС, принявший Продовольственную программу, наряду с мерами по ускорению развития производительных сил агропромышленного комплекса предусмотрел и дальнейшее совершенствование производственных отношений, улучшение управления, повышение действенности экономического механизма.

Сегодня «Огонек» рассказывает о председателе латвийского колхоза В. Скуиньше — одном из тех деловых людей на селе, которые вполне овладели экономическими методами хозяйствования.

Этим очерком журнал открывает новую рубрику — «Человек дела», в которой станет рассказывать о людях 80-х годов, тех, кто олицетворяет собой новаторский характер времени.

ПОД НОГАМИ — ЗЕМЛЯ

Николай БЫКОВ

В Латвии лесов немало, но эта сторона из всех лесная. В лесу живут, в лесу — поля, тесные, топкие, особенно весной. Ветер сбивает воду с деревьев. И как в очень старой песне: «А там днем все дождь, да и днем все дождь...»

Сейчас даже странно, как это так долго держалась зима и не отпускало даже в марте, а вот пробило леса светом, протянуло посильнее теплом, и сразу рухнуло, побежало, запело... Хотя Даугава еще долго не открывалась.

Итак, Валмиерский район, дальний угол Латвии. А в районе свой дальний угол — сорок шесть километров на север — поля и леса колхоза «Наукшены». И тут погода навязывает свой ритм жизни. Дождило, и потому получилось, что в «Наукшенах» мы в первые дни больше разговаривали, чем смотрели, переходя, как это водится у гостеприимных селян, от мастерской к Дому культуры, от него к ферме, оттуда в столовую...

За беседой я узнал, что председатель правления колхоза Висвальдис Скуиньш год назад был участником Всесоюзного экономического совещания по проблемам агропромышленного комплекса. Он и сам выступил. И сейчас, хотя прошло побольше года, полон впечатлений от встреч в Москве, от разговоров, которые там вели, до сих пор возбужден.

— Ехал и боялся, что попаду на соревнование: кто лучше прочитает написанное. Так бывает. И в Риге, и в Москве. Пишут многие, а читаешь ты, и тебе стыдно. Не дел своих и не слов, а стыдно за тех, кто слушал, а не спрашивал, что я думаю, с чем приехал из моей тайги...

«Тайгой» или более экзотически «джунглями» Скуиньш называет родные места — и образно, и несколько иронически, не без крестьянского лукавства, мол, угол наш медвежий, лаптем щи, и так далее. Не знаю, как насчет медведей, но кабаны, лоси, козы и прочая лесная вольница действительно населяют угодья колхоза и района, сам видел (не только следы).

— Висвальдис, о чем вы тогда в Москве говорили? Припомните!..

— Что же тут припоминать? Азбука. Мы стоим на земле, ходим по земле, она единственный источник жизни. И людей, и всех отраслей народного хозяйства. Пашни, недра... Только на полях, только в лугах, на пастбищах можно создавать хлеб, корма, а значит, мясо, молоко...

Всегда от нового собеседника, к тому же в сельской глубинке, ждешь еще и какого-то откровения. Хотелось, признаюсь, уловить в голосе, словосочетаниях, интонации переосмысление недавнего и минувшего. А Скуиньш упрямо повторял: «Земля, земля...» Он тогда так и сказал: «Мои позывные — земля». И продолжил:

— Что такое экономика, не все еще понимают; особенно медленно приходят в себя те, кому было надежно, выгодно, удобно десятилетиями волево решать, что и когда делать на земле, как пахать, что сеять и сколько... («Указания сверху» — это прежде всего относилось к ведению сельского хозяйства. На миллионах гектаров в десятках почвенно-климатических зон.) Председатель достал 38-й том В. И. Ленина, сразу нашел:

«Мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически».

О недооценке экономического «ликбеза» и связанном с этим курьезе рассказали в другом районе Латвии. Удои там были хронически низкими, некий перестроившийся администратор велел стимулировать труд доярок, объявить о награде: тем, кто надоит четыре тысячи килограммов молока от каждой коровы, будут золотые часы!.. Вместо прогрессивной системы оплаты обещана была подачка. Автор обещания годами не мог добиться прибавки в надоях, ему казалось, что он, сменив окрик на золото, ничем не рискует, а более того — выглядит шагающим в ногу со временем. Не та нога... Более ста доярок в районе через несколько месяцев надоили по четыре тысячи килограммов от своих коров. И ждали премии. Скандал! Ста четырех штук золотых часов на базе райпотребсоюза не было. Пошел по фермам ропот, смешки. Выручила столица, часы раздали... Но дураку ясно, что такая материальная заинтересованность — маскировка старого, отжившего стиля руководства, когда директива и посулы царили...

Как смеялся этому «экономическому маневру» председатель в «Наукшенах»! Вот пример незнания людей, резервов чисто хозяйственных.

Экономика — на первый взгляд это же так просто. Но это особый уровень культуры, мышления, философии, потому что экономика выражает состояние производительных сил, производственные отношения. Без людей, которые пашут, сеют, молотят, доят, кормят скотину, без их участия, без их навыков, знаний экономику конкретного хозяйства не поднять, не удержать на высоте. Как люди живут, в каких условиях работают, с каким мастерством и настроением? Все это — обязательные условия для перехода к экономике иной, интенсивной, современной. В последнее время все чаще говорят о том, что страна наша находится на таком этапе социалистического строительства, когда мы не только обязаны, но и экономически в состоянии уделять человеческому фактору значительно большее внимание в интересах гармоничного, поступательного движения общества.

— Это очень правильный подход, отвечающий запросам людей,— продолжал Висвальдис Скуиньш.— Что надо нам, руководителям колхозов и совхозов, всем партнерам по агропромышленному объединению? Успех в нашем деле обеспечивают права и средства, позволяющие осуществить эти права. Права записаны в колхозном Уставе. Средства? Их с каждым годом больше. И все же отмечалось не раз, что многие хозяйства по-прежнему не выполняют планов и недодают из года в год государству немало зерна, свеклы, подсолнечника, картофеля, мяса и молока...

Председатель — депутат Верховного Совета республики, так что для него разговор с таким размахом — дело естественное.

— Говорил я на том совещании о другом — о праве выбора! — Скуиньш испытующе глянул глаза в глаза, но и эта, по-видимому, наболевшая мысль в общем-то не была вновь.— Вести дело с выгодой — значит иметь право выбора. Выбор, возможность маневра средствами, набором культур, поголовьем... Да мало ли!.. Каждый день велит решать или—или. А выбора чаще всего нет. И еще — проблема компетентности. В хозяйствах, тем более в районе нужны знающие, толковые люди, специалисты, а где они? Они до сих пор в учреждениях в Риге, в различных конторах, где угодно, только не на фермах, не в бригадах, не в мастерских... Но тут еще полбеды! А беда в том, что и над ними, в тех же учреждениях, которые вправе планировать, решать судьбу хозяйств, и там люди малокомпетентные в экономической жизни на селе. Реальной, сегодняшней. Так это, так...

Знаете, чем я всерьез теперь занят? — вдруг не без озорства спросил председатель, и я ожидал очередного подвоха, но не тут-то было.

— Чем? Оберегаю деревню, своих специалистов от информационного взрыва! Сколько советчиков у селян: радио, телевидение... Что ни обозреватель, то новая идея, рекомендация... На земле, как на войне, должно быть единоначалие, один хозяин. Ему доверие, с него спрос! Нам же лучше, чем кому-нибудь другому, известны наши почвенно-климатические особенности, у нас есть учебники; агротехника всех культур давно отработана, известна. Осталось неукоснительно выполнять давно открытое. В этом нет секретов, нужны мастера, исполнители. Так вот, об этом следует задуматься, побыстрее налаживать систему взаимовыгод, иные производственные отношения, а не учить, кому как пахать и что сеять. Хозяин в этих вопросах не путается, а вот если не хозяин — тогда проблема!

Я было подумал: а не консерватор ли председатель Висвальдис Скуиньш? О чем ни заговорю, его ответы, доводы не новы, не окрыляют и не уносят в мир мыслей дерзких, новаторских... И вдруг неожиданный поворот мысли.

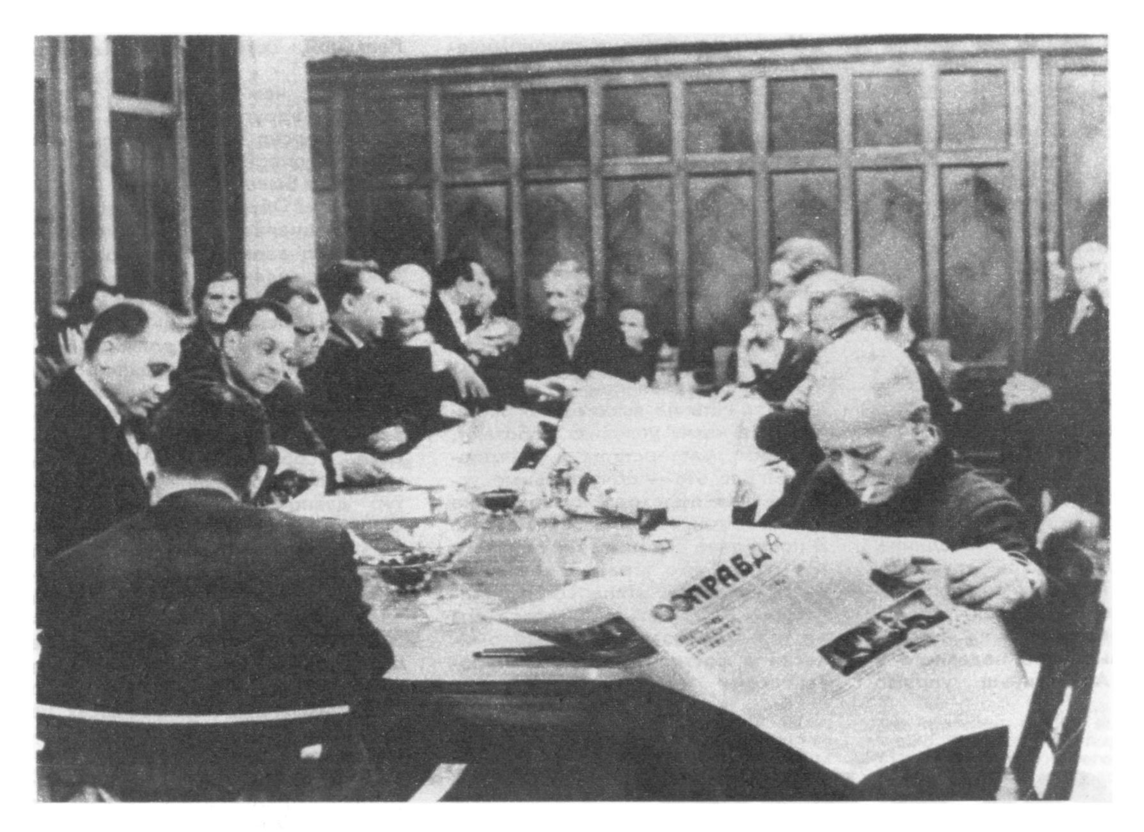
— Кое-где вводят рабочую смену!.. И это в селе, когда не хватает дня, чтобы между непогодой или сезонами успеть вспахать, удобрить, посеять, скосить, вывезти под крышу... Я не понимаю селянина, который просит отпуск весной, летом или ранней осенью. У нас нагрузка на человека восемь гектаров, много. Когда отдыхать?—Председатель смеется:— Лучший отдых — смена занятий. Это не я сказал, так наука велит! Шучу. Свободное время — валюта, и мы ею тонко пользуемся... Сделал дело — гуляй смело, так? И в праздник сеем. С красным флагом. А время для рыбалки или свадьбы сами найдут. Так.

Скептически он относится и к единой диспетчерской службе: дорогостоящее оборудование, лишние два человека... А зачем? Знать, где трактор, где председатель? При хорошей организации труда, при развитом самоконтроле и развитом чувстве ответственности каждый в конкретный момент находится в конкретном месте. Срыв, нарушение, неувязка — на то и специалисты; средний комсостав, жесткое слово коллектива. И, конечно, партком или комитет комсомольский. Не по рации материть, а воспитывать изо дня в день. Долго? Да. И долго, и нелегко, но это единственный путь к жизни интересной, деятельной, дающей удовлетворение. Скуиньш ставит на доверие.

Некоторые факты из жизни председателя говорили, напротив, о том, что он не чужд идей новаторских. Говорят, он всегда много выписывал специальной литературы, и сейчас выписывает, и просматривает, и находит интересное для себя в иных регионах, иных даже странах. Когда-то не обходилось без курьезов. Будучи молодым агрономом, узнал о новинке — аммиачной воде, ныне известном удобрении. Вычитал где-то, заказал для своих полей. И —

Окончание см. на стр. 30—31.

Человек дела

М. А. Шолохов в редакции «Правды». 1969 год.

24 МАЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 80 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. А. ШОЛОХОВА

ШОЛОХОВ В «ПРАВДЕ»

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ

Любовь ПИШЕНИНА

II

29 декабря 1956 года по редакции «Правды» разнесся слух: скоро придет Шолохов, будет читать свое новое произведение, которое намечают публиковать в предновогоднем и новогоднем номерах газеты. Главный редактор приглашает к себе в кабинет всех, кроме дежурных по номеру. Через каких-нибудь полчаса просторное помещение кабинета было переполнено. Сидели где только могли: в креслах за столом, на диване и на подоконниках, стояли вдоль стены, заставленной книжными шкафами и с откидными досками для полос газеты. Шолохов вошел неслышным шагом. На нем — гимнастерка цвета хаки, перехваченная широким ремнем. Сапоги начищены до блеска. Как всегда, по-казачьи строен, не писатель, а боевой командир. Михаил Александрович на этот раз принес в «Правду» свою «Судьбу человека» — рассказ, который Мариэтта Шагинян назовет позже вершиной шолоховского жизнелюбия.

Читал Шолохов рассказ просто, ровным, глуховатым голосом. Никакой театральности, ни тени аффектации в интонациях. Были минуты, когда писатель с трудом сдерживал волнение. Едва сдерживали слезы и многие слушатели.

Я сидела у стены почти за его спиной. В тот момент, когда Шолохов чуть ли не захлебнулся над строками о гибели сына героя, я невольно наклонила голову, боясь увидеть мужские, тем более шолоховские слезы. Уверенная в том, что моя реакция никем не замечена и что она ровным счетом ничего не значит, я, естественно, не могла и подумать о ее последствиях. Каково же было мое удивление, когда Шолохов после чтения зашел ко мне и строгим тоном сказал:

— Ну, выкладывай поскорее, отчего там (жест в сторону кабинета редактора) потупила голову?

* * *

Свою «Судьбу человека» Шолохов написал одиннадцать лет спустя после победы советского народа в Великой Отечественной войне. Возможно, сюжет рассказа он вынашивал все эти годы. Но что же послужило толчком, который побудил его прервать работу над романом «Они сражались за Родину» и второй книгой «Поднятой целины» и взяться за «Судьбу человека», написанную им в очень короткий срок? Возможно, что таким толчком послужило литературное произведение, в творческий спор с которым он не мог не вступить.

Как-то Шолохов позвонил мне по телефону и попросил об одном, как он выразился, одолжении. Пояснил: он и его жена Мария Петровна едут в Казахстан на охоту, пробудут там долго. Не смогу ли я отобрать к их возвращению наиболее интересные новинки беллетристики. Обещание принял с благодарностью.

Через несколько дней я получила очередной номер журнала «Иностранная литература», в котором была напечатана повесть Э. Хемингуэя «Старик и море». Дождавшись приезда Шолохова, я с этим журналом пришла к нему на московскую квартиру. Жил он тогда на старом Арбате, в доме по Староконюшенному переулку. Рассказывая писателю о повести «Старик и море», я не удержалась от восторгов. Не говоря ни слова, Шолохов тут же раскрыл журнал и углубился в текст повести. Прочел ее за каких-нибудь полтора часа. Постоял в задумчивости. Возвращая мне журнал, сказал как бы самому себе:

— Да, человека победить нельзя, его можно только уничтожить. А старик все же надломился. Русский человек выдержал схватку со зверьем пострашнее. Измученный и лишенный всего самого дорогого, он находит в себе силы жить и возродиться в новой человеческой любви и человеческой привязанности. И сны ему снятся другие.

* * *

По словам философа, мудрость всегда довольствуется тем, что есть, и никогда не докучает себе. В этом состоянии, как мне кажется, часто находится Шолохов. Он в такой мере внутренне богат, у него столько оптимизма и живых интересов, что обычные человеческие слабости — тоска, уныние, нытье — никогда не посещают его. Не выносит он этого состояния и в других.

— Однажды,— вспоминал Михаил Александрович,— находясь за рубежом, я повстречался с одним нашим писателем. Весь день он ходил со мной хныча, вечером его снедало недовольство, ныл так, что мне тошно стало. Пришлось убежать от него.

* * *

Среди деревенских тружеников он чувствует себя лучше всего. И крестьяне видят в нем своего человека, беседуют с ним мягко, непринужденно.

— Глубины народной культуры находятся в деревне,— сказал в беседе со мной Михаил Александрович.— Деревня, и только она, источала, источает и будет источать такие прекрасные человеческие качества, как скромность, тактичность, деликатность, уважительность, стыдливость, участливость и совестливость. Шолохов говорил это, и его глаза были в том особом прищуре, какой всегда бывает у него, когда он всматривается в даль.

* * *

В общении с людьми Шолохов безгранично разнообразен. Но в этом разнообразии нет ничего похожего на «игру». В каждом своем проявлении оно предельно естественно. Вот идет беседа со старином колхозником, и вы видите в Шолохове такого же простого человека, очень располагающего к себе, но мудрого, этакого всеприемлющего праотца со спокойными жестами и внимательно сосредоточенным слухом. Среди журналистов Михаил Александрович выглядит моложе их, любит пошутить, посмеяться, подтрунить над неудачной фразой кого-нибудь из них. В веселой компании друзей он неожиданно предстанет в образе озорного донского казака...

Иногда его лицо становится похожим на лицо то одного, то другого ведущего героя его произведений. За характерами этих героев угадывался и характер их создателя. И все же это разнообразие лиц и сочетание разных характеров в одном никогда не заслоняли в нем главное — ту значительность большого человека, которая постоянно присутствовала в нем и вовсе исключала возможность каких-либо пани-

Начало записок см. «Огонек» № 20.

Ю. Ребров. Род. 1929. НОЧЬ В СТЕПИ. Иллюстрация к роману М. Шолохова «Тихий Дон». 1970.

Ю. Ребров. ПОД ХУТОРОМ ТАТАРСКИМ. 1970.

Иллюстрации к роману М. Шолохова «Тихий Дон».

СТЕПАН АСТАХОВ. 1965.

АКСИНЬЯ. 1965.

братских с ним отношений. Как-то само собой выходило, что те, кто был рядом, казались ростом ниже его.

Кроме того, в душевном облике Шолохова бросалось в глаза еще одно великолепное качество, резко выделявшее его среди других,— это требовательная, даже суровая честность, беспощадная правдивость, не знающая никаких компромиссов.

* * *

Разговорный язык Шолохова для непосвященных порой казался трудным. Это оттого, что концовки своих фраз он часто довершал не словами, а медленно-пластичными жестами рук. Мысль, зрительное изображение у него обгоняли речь. Вот он рассказывает о своей недавней поездке в одну из республик.

— Пригласил меня один деятель на охоту в заказник. Говорит: «Там избыток оленей, есть разрешение на отстрел. Посоревнуемся?» — И дарит мне отличное ружье. Разошлись. Я ушел один. Не успел и ста шагов сделать по аллее, как навстречу мне красавец... (взмах руками над головой). Могучие, ветвистые. С ним две ланюшки. Он — посредине. Стрелять? Какой же, черт побери, ты охотник! Если бы ты походил за ним дня три, выследил бы да перехитрил его, тогда... (взмах руки вперед). Поднял я ружье кверху, дал залп, и мой красавец вместе с ланюшками... (плавное движение руки, изображающее скачкообразный бег оленей). Вернулся ни с чем. Ну и доставил же я удовольствие моему деятелю хвастать своей «удачливостью» на охоте.

Чутье на язык собеседников было у него поразительным. Молниеносно улавливал ошибки во фразе, неправильное произношение. Отмечал это мягко, добродушно, а иногда и с обжигающим привкусом перца. Рассказывая о каком-нибудь из своих друзей или знакомых, он мимоходом импровизировал тончайшие по наблюдательности сцены. В такие минуты невольно возникала мысль: да ведь он природный портретист, живописец человеческих характеров, видящий в каждом жесте, в каждом слове человека, в его походке и взгляде глубинную суть личности.

* * *

Непостижима его способность распознавать главную черту характера человека с первого короткого взгляда. Казалось, он ни на кого не смотрел, когда входил в конференц-зал редакции, чтобы познакомить правдистов с новой главой второй книги «Поднятая целина». Не оглядывал он нас долгим взглядом и во время пауз при чтении и по окончании его. И вдруг, выходя из зала, спрашивает: «Разве тот, у кого много карманов, работает у вас?» Спросил и засмеялся так, как будто угадал, что у нас на уме. Мы удивились. В костюме со многими карманами, застегнутыми «молниями», был неизвестно как проникший в зал репортер из другой редакции. Он слыл пронырой и любителем «зашибать деньгу». Когда увидел его Шолохов и как угадал в нем то, что мы знали, так и осталось для нас загадкой. Спросить писателя об этом мы то ли постеснялись, то ли сочли неудобным.

* * *

До чего же обходителен Шолохов с людьми вообще! Вместе с правдистом Героем Советского Союза Сергеем Борзенко провожаем его на Внуковском аэродроме. В зале ожидания полно военных моряков. Увидев Михаила Александровича, они кольцом обступают его. Один совсем молодой морячок, протолкавшись вперед, смело подходит вплотную к писателю и с нахалинкой в голосе задает вопрос: «А какова дальнейшая судьба Григория Мелехова?» На лице Борзенко раздражение. Он уже готов выпалить что-то злое, недоброе. Но Шолохов успевает спокойным жестом руки остановить его. Повернувшись к морячку, он неторопливо дает ему обстоятельное разъяснение.

— К слову надо относиться осторожно. Словом зарезать легче, чем ножом. И согнутый гвоздь следует выправлять осторожно, иначе сломаешь.— Сказал это Шолохов после того, как прочитал критическую корреспонденцию Александра Бахарева, которую я готовила в набор.

* * *

В отделе партийной жизни редакции Шолохов ведет разговор о корреспондентах «Правды» по Ростовской области. Вспоминает Якова Кривенка и Александра Бахарева. С ними у него были самые теплые отношения. С новым корреспондентом он еще не знаком. Надеется скоро повидаться. «Буду рад,— говорит,— если найду его таким, как вы рекомендуете. Боевой, талантливый журналист в области — фигура не абы какая. И потому на первых порах ему нужна опора. А талант человека сродни стеблю злакового растения. Пшеничная былинка тонка, сама по себе беззащитна. Потому что несет в себе колос. Бездарности же, как сорняки, они куда энергичнее и приспособленнее к захвату места под солнцем».

* * *

Шолохов говорил так:

— Роль человека в жизни всегда сложнее любой роли, которую можно изобразить в литературе или на сцене. Человеку свойственно притворяться. Иные играют ту или иную роль не только для других, но и для себя. Не это ли толкает их на проступки, чуждые разуму. Обуздать свой инстинкт человеку труднее всего. Тут и ищите поэзию.

* * *

Нередко он просит друзей прочесть те или иные стихи наизусть. Сам может читать стихи Пушкина и Бунина часами. И ни разу не собьется, не запнется, не потеряет ни одной строки. Бунин, говорит он, острый и тонкий наблюдатель, точен до мелочей, он дает в стихах пейзаж как настоящий большой живописец.

* * *

Говорить о творчестве современных ему писателей Шолохов всячески избегал. Отмалчивался даже на прямые вопросы. Никаких оценок не давал. Лишь один раз, когда за рубежом подняли гвалт о так называемых диссидентах, он заметил: плохо, когда писатель норовит в указчики. Те, которые хотят только обвинять, непременно терпят поражение. От их суждений отлетает дух беспристрастия и правды.

* * *

Публикации в «Правде» новых глав романа «Они сражались за Родину», второй части «Поднятой целины», публицистических выступлений Шолохова всегда вызывали огромный отклик читателей. Но самую большую почту «Правды» составили отклики на речь Шолохова с трибуны второго съезда советских писателей. Это были многие тысячи писем рабочих, колхозников, воинов Советской Армии и Флота, интеллигенции. В них была самая горячая и единодушная поддержка позиции, занятой Шолоховым.

* * *

В Москве идет XXIII съезд КПСС. Однажды часу в одиннадцатом вечера приходит Шолохов в редакцию. В руках тонкая черная папка. Заходит в отдел литературы, а там уже никого нет. Несколько обескураженный, направляется в отдел партийной жизни. Встретив меня, просит сейчас же переписать рукопись его речи на машинке: завтра он будет произносить ее с трибуны съезда. Переписывать рукопись его речи — для машинистки одно удовольствие. То и дело она отнимает руки от машинки, чтобы заново прочесть готовую страницу. Наслаждаемся богатством мыслей и смелой критикой, которой насыщена вся речь.

Через день выходят газеты с полным текстом этого выступления. Читаю и отмечаю: почти под каждым абзацем текста пометки: смех всего зала, гром аплодисментов.

* * *

В марте 1969 года Михаил Александрович передал в «Правду» новую главу романа «Они сражались за Родину». Ее набрали и поставили в номер. Автор приехал в редакцию поздно вечером, чтобы посмотреть верстку и взять с собой газету. Так же, как и прежде, он степенно вошел в кабинет главного редактора, где его уже ждали сотрудники, дежурившие по номеру. Шолохов оглянул всех, ища глазами тех, кого знал. И, как мне показалось, не нашел. Коллектив редакции к тому времени сильно обновился. Новый редактор, новые его заместители, новые, незнакомые ему лица сотрудников. Видимо, это и побудило его в своем коротком выступлении перед собравшимися вспомнить имена старых правдистов, сказать о них доброе слово.

Принесли стопку свежих газет. Шолохов взял один экземпляр, развернул его и внимательно пробежал глазами строки своего произведения, занявшего подвалы двух полос. Затем тепло попрощался со всеми и ушел. Это был его последний визит в «Правду».

ПРЕДАННОСТЬ

Юрий Ребров, создавший интересный портрет писателя, увидел Шолохова легким и заразительно жизнелюбивым человеком. В руке зажата сигарета с мундштуком, лицо открытое, приветливое, чуть-чуть лукавое. Простой серый костюм, не старый, но, что называется, видавший виды, рубашка и галстук, какие носила в послевоенные годы вся страна,— Ребров показывал Шолохова без прикрас.

Художник родился в Томске в семье казаков — выходцев с Дона. Многочисленные рассказы о вольнолюбивой жизни донского казачества пленяли его воображение с детства.

«Тихий Дон» для Реброва, как и для сотен тысяч других людей, стал открытием целого мира. С ранних лет у Реброва была однаединственная привычка: на случайных листах бумаги он обычно рисовал все, что видел вокруг. А иногда просто фантазировал, давая волю воображению. Но для того, чтобы его талант художника мог бы развернуться «во весь голос», требовалось обрести свою книгу. Такой книгой для Реброва стал «Тихий Дон». Страницы «Тихого Дона» подарили художнику массу впечатлений. Ребров рисовал Григория, Аксинью, Пантелея Прокофьевича просто так, для себя, рисовал, потому что привык выражать все свои мысли и чувства графически.

Ребров приезжал в Вешенскую, делал многочисленные зарисовки, каждый день встречался и беседовал с жителями станицы.

Что же нового дали нам иллюстрации Юрия Реброва? Скажу так: их преимущество заключается в том, что они менее всего похожи на иллюстрации. Художник не стремился быть «соавтором» Михаила Александровича Шолохова. Он рисовал персонажи великого романа так, как видел их он, Юрий Ребров, целиком полагаясь на свое собственное восприятие книги. Что особенно удалось Реброву, так это образ донской земли. В отличие от замечательных работ Верейского, который стремился передать сам дух жизни казачества прежде всего через самих людей, Ребров широко осматривался вокруг; его взгляд невольно, словно мимоходом отмечал, что где-то там, за гумном, пасутся лошади и зеленеет роща, что навес крыши мелеховского дома чуть покосился от старости и некому его починить, ибо Григорий с братом ушли на войну, а Пантелею Прокофьевичу все недосуг, да и руки уже не те, что были когда-то, трудно ему одному... И земля: сырая, холмистая, чем-то необъяснимо привлекательная и живая.

Работая над образом Мелехова, художник не задавался вопросом, как, каким образом в одном и том же человеке, в одном и том же характере может сочетаться то, что сочетаться не может, огромная воля, энергия, природный ум, эгоизм, граничащий подчас с откровенной жестокостью, и редчайшая душевность, когда вдруг звучат такие струны души, что делается просто не по себе. Художник чаще всего показывал Григория Мелехова непритворно задумчивым, погруженным в самого себя, как бы приглашая нас, читателей романа, еще и еще раз всмотреться в его лицо, побыть с ним наедине, попытаться представить себе его мысли.

Трижды работал Ребров над «Тихим Доном» и всякий раз делал новые иллюстрации. И хотя других произведений у Реброва очень много — картины, рисунки, акварели, графика,— о «Тихом Доне», о Шолохове художник говорит особенно любовно и тепло. Этот цикл принес Юрию Реброву, заслуженному художнику РСФСР, широкое общественное признание: за иллюстрации к «Тихому Дону» Ребров был удостоен серебряной медали Академии художеств СССР.

А. КАРАУЛОВ

Шолохов в Вешенской.

Фото А. Гостева. 1948 год.

Великий художник советской эпохи

Родился в 1905 году, в семье служащего торгового предприятия, в одном из хуторов станицы Вешенской, бывшей Донской области.

Отец смолоду работал по найму, мать, будучи дочерью крепостного крестьянина, оставшегося после «раскрепощения» на помещичьей земле и обремененного большой семьей, с двенадцати лет пошла в услужение: служила у одной старой вдовой помещицы.

Недвижимой собственности отец не имел и, меняя профессии, менял и местожительство. Революция 1917 года застала его на должности управляющего паровой мельницы в х. Плешакове, Еланской станицы.

Я в то время учился в мужской гимназии в одном из уездных городов Воронежской губернии. В 1918 году, когда оккупационные немецкие войска подходили к этому городу, я прервал занятия и уехал домой. После этого продолжать учение не мог, так как Донская область стала ареной ожесточенной гражданской войны. До занятия Донской области Красной Армией жил на территории белого казачьего правительства.

С 1920 года, то есть с момента окончательного установления Советской власти на юге России, я, будучи пятнадцатилетним подростком, сначала поступил учителем по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, а потом пошел на продовольственную работу и, вероятно, унаследовав от отца стремление к постоянной перемене профессий, успел за шесть лет изучить изрядное количество специальностей. Работал статистиком, учителем в низшей школе, грузчиком, продовольственным инспектором, каменщиком, счетоводом, канцелярским работником, журналистом. Несколько месяцев, будучи безработным, жил на скудные средства, добытые временным трудом чернорабочего. Все время усиленно занимался самообразованием.

Писать начал с 1923 года. Первые рассказы мои напечатаны в 1924 году.

В 1926 году начал писать «Тихий Дон». Восемь лет я потратил на создание этого романа и теперь, пожалуй, окончательно «нашел себя» в профессии писателя, в этом тяжелом и радостном творческом труде.

Ст. Вешенская, 10 марта 1934 года
М. ШОЛОХОВ. Автобиография

* * *

Как начала создаваться советская литература? Она создавалась людьми такими, как мы. Когда по окончании гражданской войны мы стали сходиться из разных концов нашей необъятной Родины — партийные, а еще больше беспартийные молодые люди,— мы поражались тому, сколь общи наши биографии при разности индивидуальных судеб. Таков был путь Фурманова, автора книги «Чапаев»... Таков был путь более молодого и, может быть, более талантливого среди нас Михаила Шолохова.

Александр ФАДЕЕВ

* * *

Как степной цветок, живым пятном встают рассказы т. Шолохова. Просто, ярко, и рассказываемое чувствуешь — перед глазами стоит. Образный язык, тот цветной язык, которым говорит казачество...

Александр СЕРАФИМОВИЧ

* * *

«Месяца два назад я послал Вам свою книгу «Лазоревая степь»... Если найдете время, очень прошу Вас, черкните мне о недостатках и изъянах. А то ведь мне тут в станице не от кого услышать слово обличения, а Ваше слово мне особенно ценно».

Из письма М. А. ШОЛОХОВА
А. С. Серафимовичу от 22 февраля 1927 года

* * *

Никогда не забуду 1925 год, когда Серафимович, ознакомившись с первым сборником моих рассказов, не только написал к нему теплое предисловие, но и захотел повидаться со мною. Наша первая встреча состоялась в Первом Доме Советов. Серафимович заверил меня, что я должен продолжать писать, учиться. Советовал работать серьезно над каждой вещью, не торопиться.

Этот наказ я старался всегда выполнять.

М. ШОЛОХОВ.
Статья «Писатель-большевик»

* * *

...Роман Шолохова «Тихий Дон» — произведение исключительной силы по широте картин, знанию жизни и людей, по горечи своей фабулы. Это произведение напоминает лучшие явления русской литературы всех времен... шолоховский роман читается с захватывающим интересом и является ценным вкладом в литературу о массах.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

* * *

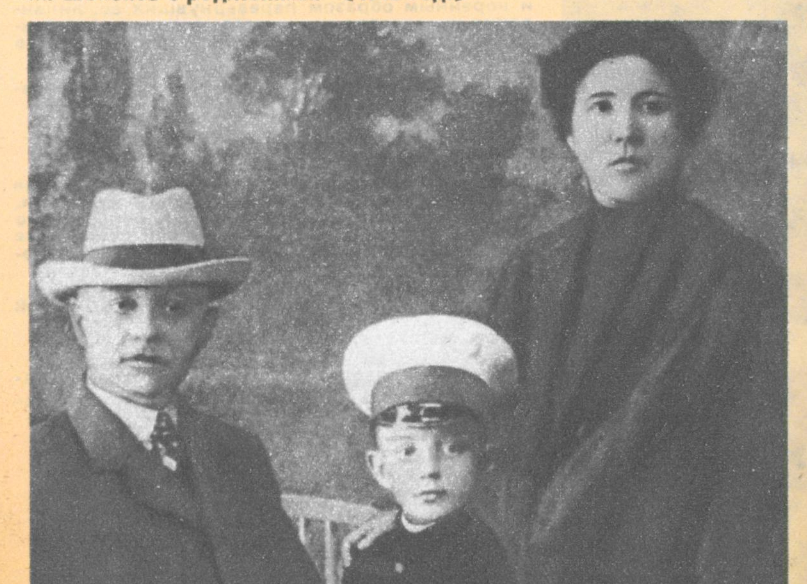
«Но некоторые «ортодоксальные» «вожди» РАППа, читавшие 6-ю ч(асть), обвиняли меня в том, что я будто бы оправдываю восстание, приводя факты ущемления казаков Верхнего Дона. Так ли это? Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествовавшую восстанию; причем сознательно упустил такие факты, служившие непосредственной причиной восстания, как бессудный расстрел в Мигулинской ст(ани)це 62 казаков-стариков или расстрелы в ст(ани)цах Казанской и Шумилинской, где количество расстрелянных казаков (б. выборные хуторские атаманы, георгиевские кавалеры, вахмистры, почетные станичные судьи, попечители школ и проч. буржуазия и контрреволюция хуторского масштаба) в течение 6 дней достигло солидной цифры 400 с лишним человек.

Наиболее мощная экономическая верхушка станицы и хутора: купцы, попы, мельники отделывались денежной контрибуцией, а под пулю шли казаки зачастую из низов социальной прослойки. И естественно, что такая политика, проводимая некоторыми представителями Сов(етской) власти, иногда даже заведомыми врагами, была истолкована как желание уничтожить не классы, а казачество.

Но я же должен был, Алексей Максимович, показать отрицательные стороны политики расказачивания и ущемления казаков-середняков, т(ак) к(ак), не давши этого, нельзя вскрыть причины восстания. А так, ни с того ни с сего, не только не восстают, но и блоха не кусает...»

М. ШОЛОХОВ из письма М. Горькому
от 6 июня 1931 года

М. Шолохов с родителями. <1912 год.>

М. А. Шолохов с женой Марией Петровной и детьми — Светланой, Александром, Михаилом и Марией. 1940 год.

Рыбалка.
Фото П. Гавриленко.

Шолохов,— судя по первому тому,— талантлив... Каждый год выдвигает все более талантливых людей. Вот это — радость. Очень, анафемски, талантлива Русь.

Максим ГОРЬКИЙ

* * *

...Замечательное явление нашей литературы — Михаил Шолохов. Он целиком рожден Октябрем и создан советской эпохой. Он пришел в литературу с темой рождения нового общества в муках и трагедиях социальной борьбы.

...В «Тихом Доне» он развернул эпическое, насыщенное запахами земли, живописное полотно из жизни донского казачества. Но это не ограничивает большую тему романа: «Тихий Дон» по языку, сердечности, человечности, пластичности,— произведение общерусское, национальное, народное.

Алексей ТОЛСТОЙ

* * *

Смотрите — Шолохов. Его «Тихий Дон» я считаю нашим лучшим художественным произведением. Отдельные места написаны с исключительной силой. Я не верю, чтобы он написал «Тихий Дон», не будучи хорошо знаком с нашими классиками.

М. И. КАЛИНИН

* * *

Лучшие новые произведения советских писателей (например, Шолохова) связаны с великой реалистической традицией прошлого века, в которой воплотилась сущность русского искусства и которую обессмертило мастерство Толстого.

Р. РОЛЛАН

* * *

На меня влияют все хорошие писатели. Каждый по-своему хорош. Вот, например, Чехов. Казалось бы, что общего между мной и Чеховым? Однако и Чехов влияет! И вся беда моя и многих других в том, что влияют еще на нас мало.

М. ШОЛОХОВ

* * *

С радостью читаю 7-ю и 8-ю части (конец) «Тихого Дона». М. Шолохов бесспорный и самый большой писатель. Он знает самые затаенные движения человеческих душ и с большим мастерством, по-серьезному умеет показывать это... По моему мнению, «Тихий Дон» занимает в советской литературе первое место.

Вячеслав ШИШКОВ

* * *

В мою задачу входит не только показать различные социальные слои населения на Дону за время двух войн и революции; не только проследить за трагической судьбой отдельных людей, попавших в мощный водоворот событий, происходивших в 1914—1921 годах, но и показать людей в годы мирного строительства при Советской власти. Этой задаче и посвящена моя последняя книга — «Поднятая целина».

М. ШОЛОХОВ. «Английским читателям»

* * *

Я писал «Поднятую целину» по горячим следам, в 1930 году, когда еще были свежи воспоминания о событиях, происшедших в деревне и коренным образом перевернувших ее: ликвидация кулачества как класса, сплошная коллективизация, массовое движение крестьянства в колхозы.

М. ШОЛОХОВ, «Литература — часть общепролетарского дела».

* * *

Содержание второй книги — это ожесточенная борьба двух миров, тьмы и света. В сущности, это последняя схватка в великой борьбе «кто кого?»... В этой схватке и с нашей стороны не обошлось без жертв. Но побеждает новое, побеждает колхозный строй, социализм.

М. ШОЛОХОВ

* * *

...Возьмем, например, роман Шолохова «Поднятая целина»... Произведение Шолохова яв-

Ю. А. Гагарин — добрый гость Вешенской. Июнь 1967 года.

Стокгольм, 1965 год. М. А. Шолохову вручается Нобелевская премия.

ляется мастерским. Очень большое, сложное, полное противоречий и рвущееся вперед содержание одето здесь в прекрасную словесную образную форму, которая нигде не отстает от этого содержания, нигде не урезывает, не обедняет его...

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

* * *

Меня часто спрашивают, почему герой «Поднятой целины» Семен Давыдов — путиловец-кировец, в прошлом балтийский моряк? Больше тридцати лет назад я, тогда еще молодой писатель, хотел таким образом выразить мое глубокое уважение к передовому рабочему классу Питера, к его славным революционным делам и традициям. Это мой первый нижайший поклон ленинградским рабочим, кировцам в особенности.

Второй мой поклон — славным морякам Балтийского флота, мое такое же глубокое уважение к их делам и революционным традициям.

М. ШОЛОХОВ

* * *

На войне деревья, как и люди, имеют каждое свою судьбу. Я видел огромный участок леса, срезанного огнем нашей артиллерии. В этом лесу недавно укреплялись немцы, выбитые из села С., здесь они думали задержаться, но смерть скосила их вместе с деревьями. Под поверженными стволами сосен лежали мертвые немецкие солдаты, в зеленом папоротнике гнили их изорванные в клочья тела, и смолистый аромат расщепленных снарядами сосен не мог заглушить удушливо-приторной, острой вони разлагающихся трупов. Казалось, что даже земля с бурыми, опаленными и жесткими краями воронок источает могильный запах.

Смерть величественно и безмолвно властвовала на этой поляне, созданной и взрытой нашими снарядами, и только в самом центре поляны стояла одна чудом сохранившаяся березка, и ветер раскачивал ее израненные осколками ветви и шумел в молодых, глянцевито-клейких листках.

М. ШОЛОХОВ. «Наука ненависти»

* * *

Если в мировой истории не было войны столь кровопролитной и разрушительной, как война 1941—1945 годов, то никогда никакая армия в мире, кроме родной Красной Армии, не одерживала побед более блистательных, и ни одна армия, кроме нашей армии-победительницы, не вставала перед изумленным взором человечества в таком сиянии славы, могущества и величия.

В Восточной Пруссии после взятия нашими войсками города Эйдткунена на стене вокзала, рядом с немецкой надписью «До Берлина 741,7 километра» появилась надпись на русском языке. Размашистым почерком один из бойцов написал: «Все равно дойдем. Черноусов».

Какая великолепная уверенность в этих простых словах русских солдат! И они дошли, да еще как дошли, навсегда похоронив под развалинами разбойничьей столицы бредовые мечтания гитлеровцев о мировом господстве.

Пройдут века, но человечество навсегда будет хранить благодарную память о героической Красной Армии.

13 мая 1945 г. **М. ШОЛОХОВ**

* * *

В советской литературе есть два течения. Одни писатели очень быстро откликаются на текущие события, другие создают свои произведения сравнительно медленно, но стараются написать запоминающиеся книги.

В Великую Отечественную войну мы все очень быстро откликались на волнующие темы. Этого требовала жизнь. Я тоже тогда писал быстро. Однако я отстаиваю свое право на работу более медленную, чем хотелось бы читателям, но чтобы эта медлительность была оправдана качеством.

Переиздание моих книг свидетельствует, что можно и «медленной» работой отобразить значительные общественные события, важные для народа.

Можно писать быстро плохие книги, а медленно — хорошие.

М. ШОЛОХОВ

* * *

Величайшее богатство народа — его язык! Тысячелетиями накапливаются и вечно живут в слове несметные сокровища человеческой мысли и опыта. И, может быть, ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах.

Меткий и образный русский язык особенно богат пословицами. Их тысячи, десятки тысяч! Как на крыльях, они перелетают из века в век, от одного поколения к другому, и не видна та безграничная даль, куда устремляет свой полет эта крылатая мудрость...

Различны эпохи, породившие пословицы. Необозримо многообразие человеческих отношений, которые запечатлелись в чеканных народных изречениях и афоризмах. Из бездны времени дошли до нас в этих сгустках разума и знания жизни радость и страдания людские, смех и слезы, любовь и гнев, вера и безверие, правда и кривда, честность и обман, трудолюбие и лень, красота и уродство предрассудков.

Обращаясь к пословицам русского народа, советский человек возьмет лучшее и отбросит то, что уже мертво и не нужно ему в созидании нового мира.

Никогда не померкнет наша патриотическая гордость, закованная в булат таких пословиц: «Наступил на землю русскую, да оступился», «С родной земли — умри, не сходи», «За правое дело стой смело».

М. ШОЛОХОВ. «Сокровищница народной мудрости»

* * *

Незадолго до сорокалетия Советской власти еще неприятнее вспоминать о том, что мы, писатели, в своем творчестве отстаем от жизни, но к профессиональной горечи примешивается и гражданская гордость: вон какими шагами идут наша партия и народ от одной огромной, уже решенной задачи к другой, еще более грандиозной,— к коренной перестройке управления промышленностью. Где же тут успеть? Да оно, пожалуй, если посмотреть на жизнь с практической точки зрения, не так велика беда, если, к примеру, я задержался с окончанием «Поднятой целины» на событиях 30-го года, но не дай бог, если бы наше сельское хозяйство и промышленность до сих пор держались на уровне 30-го года...

Но все же каждому из нас, писателей, хочется поспеть за временем, чтобы в творчестве выравнять шаг с партией, с народом. Потому и мне, в частности, хочется, поскорее закончив «Поднятую целину», уже вплотную взяться за роман «Они сражались за Родину».

М. ШОЛОХОВ. «Выравнять шаг с партией, с народом»

* * *

Я горжусь тем, что Семен Давыдов, герой «Поднятой целины»,—организатор и председатель колхоза на нашей донской земле, что он вышел из вашей среды, что он ваш сын...

И как хорошо видеть сейчас новое поколение, обязанное Семену Давыдову и его сверстникам опытом, выучкой и ставшее наследником их лучших традиций.

Из выступления М. ШОЛОХОВА на Кировском заводе в Ленинграде

* * *

«Сердечно благодарю за высокую оценку моего литературного творчества и присуждение Нобелевской премии. Также с благодарностью принимаю Ваше любезное приглашение прибыть в Стокгольм на нобелевский праздник».

1965

М. ШОЛОХОВ — шведской королевской Академии

* * *

На мой взгляд, подлинным авангардом являются те художники, которые в своих произведениях раскрывают новое содержание, определяющее черты жизни нашего века. И реализм в целом, и реалистический роман опираются на художественный опыт великих мастеров прошлого. Но в своем развитии приобрели существенно новые, глубоко современные черты.

Я говорю о реализме, несущем в себе идею обновления жизни, переделки ее на благо человеку. Я говорю, разумеется, о таком реализме, который мы называем сейчас социалистическим. Его своеобразие в том, что он выражает мировоззрение, не приемлющее ни созерцательности, ни ухода от действительности, зовущее к борьбе за прогресс человечества, дающее возможность постигнуть цели, близкие миллионам людей, осветить им пути борьбы.

Человечество не раздроблено на сонм одиночек, индивидуумов, плавающих как бы в состоянии невесомости, подобно космонавтам,

Писатель с воинами-ветеранами пятого гвардейского Донского кавкорпуса (Публ. М. Камышева).

А. Фадеев, М. Шолохов и Е. Петров на Западном фронте. 1941 год.

Михаил Александрович и Мария Петровна.

Осенью 1957 года.

вышедшим за пределы земного притяжения. Мы живем на земле, подчиняемся земным законам, и, как говорится в Евангелии, дню нашему довлеет злоба его, его заботы и требования, его надежды на лучшее завтра. Гигантские слои населения земли движимы едиными стремлениями, живут общими интересами, в гораздо большей степени объединяющими их, нежели разъединяющими.

Это люди труда, те, кто своими руками и мозгом создает все. Я принадлежу к числу тех писателей, которые видят для себя высшую честь и высшую свободу в ничем не стесняемой возможности служить своим пером трудовому народу.

Отсюда проистекает все. Отсюда следуют выводы о том, каким мыслится мне, как советскому писателю, место художника в современном мире.

Мы живем в неспокойные годы. Но нет на земле народа, который хотел бы войны. Есть силы, которые бросают целые народы в ее огонь. Может ли не стучать пепел ее в сердце писателя, пепел необозримых пожарищ второй мировой войны? Может ли честный писатель не выступать против тех, кто хотел бы обречь человечество на самоуничтожение?

В чем же состоит призвание, каковы задачи художника, считающего себя не подобием безучастного к людским страданиям божества, вознесенного на Олимп над схваткой противоборствующих сил, а сыном своего народа, малой частицей человечества?

Говорить с читателем честно, говорить людям правду — подчас суровую, но всегда мужественную, укреплять в человеческих сердцах веру в будущее, в свою силу, способную построить это будущее. Быть борцом за мир во всем мире и воспитывать своим словом таких борцов повсюду, куда это слово доходит. Объединять людей в их естественном и благородном стремлении к прогрессу. Искусство обладает могучей силой воздействия на ум и сердце человека. Думаю, что художником имеет право называться тот, кто направляет эту силу на созидание прекрасного в душах людей, на благо человечества.

Мой родной народ на своих исторических путях шел вперед не по торной дороге. Это были пути первооткрывателей, пионеров в жизни. Я видел и вижу свою задачу как писателя в том, чтобы всем, что написал и напишу, отдать поклон этому народу-труженику, народу-строителю, народу-герою, который ни на кого не нападал, но всегда умел с достоинством отстоять созданное им, отстоять свою свободу и честь, свое право строить себе будущее по собственному выбору.

Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждать любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества. Если мне это удалось в какой-то мере, я счастлив...

М. ШОЛОХОВ.
Из речи на вручении Нобелевской премии. 1965.

* * *

Награждение Шолохова Нобелевской премией — акт совершенно закономерный. Имя Шолохова давным-давно известно на всех материках земли. Его замечательные романы, изданные на многих десятках языков мира, стали неотъемлемой и важной частицей духовной жизни многих народов. Книги Шолохова владеют умами миллионов. Его бесстрашное служение народу и Родине, глубокий гуманизм, могучая сила художественного восприятия правды жизни и умение понять и глубоко раскрыть человеческую душу — все это давно сделало Шолохова одним из самых любимых писателей не только нашей страны, но и всего мира.

Георгий **МАРКОВ**. «Живая слава». 1965.

* * *

О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством.

М. ШОЛОХОВ. Речь на II Всесоюзном съезде советских писателей.

* * *

Если же говорить о всех молодых в целом, то нечего в кулак шептать — великолепная у нас растет смена! Особенно радует появление огромного числа подлинно молодых талантов — тех, которые сейчас говорят еще мальчишескими тенорами, у которых от юности ломаются голоса и кое-кто из них еще нет-нет да и кукарекнет. Но все же это подлинное богатство, и без законной гордости и радостного волнения об этом никак не скажешь! Ведь это же здорово, по-настоящему здорово, когда благодатная земля нашей родины так щедра на таланты.

Но и тут есть над чем поразмыслить и попытаться заглянуть в будущее. Я хочу привести некоторые цифры, заставляющие призадуматься и пораскинуть умом.

На Первом съезде писателей делегатов до сорока лет было 71 процент, на втором — уже только 20,6 процента, на третьем — 13,9 процента и, наконец, из общего числа на нынешнем съезде — всего лишь 12,2 процента. Стареем, братцы писатели! И не пора ли подумать о том, чтобы смелее привлекать молодых и на съезды и в правящие органы отделений и союзов писателей. А то что-то у нас запохаживается на

армейские порядки, где продвижение по службе идет до того туговато, что, пока дослужишься до генеральского звания, будешь выглядеть как явно траченный молью. Седина, конечно, вещь почтенная, но только ли она должна служить пропуском к руководству? Немного грустновато выглядит средний возраст делегатов нынешнего съезда, приближающийся к шестидесяти годам. Но ведь это — нынешний день литературы, а хороший хозяин живет не одним нынешним днем. А мы вправе считать себя хорошими хозяевами, а не пустодомами.

Так что, как видите, вопрос о всяческом продвижении молодых уже стоит перед нами со всей остротой и неотложностью, и его надо решать, не откладывая в долгий ящик.

М. ШОЛОХОВ. Речь на Четвертом съезде советских писателей.

* * *

— У станицы Клетской сейчас ведет съемки кинофильма «Они сражались за Родину» режиссер Сергей Бондарчук. Члены съемочной группы были у вас, рассказывали, как идет работа. Получится ли фильм? Удачен ли подбор актеров? Ведь именно вы подсказали кинематографистам место для съемки...

— Места донские я за свою жизнь узнал. Да и как же не знать отчий край, родной дом. А фильм... Фильм, судя по всему, должен получиться. Режиссер принял правильное решение: показать психологию солдата, его внутренний мир, его мужание и закалку в суровых испытаниях войны. У нас часто любят говорить о солдате вообще, о солдате, выигравшем Отечественную, а воевал-то весь народ, одетый в солдатские гимнастерки... Вот Никулин прямо в такой гимнастерке и сюда приехал. Хочет вжиться в образ.— Михаил Александрович показывает фотографию, на которой его гости-кинематографисты здесь вот, на веранде шолоховского дома, и улыбается:— Веселый мужик, общительный.

— А Василий Шукшин?

— Тоже хорош... Чалдон, настоящий чалдон...— И добавляет с теплотой в голосе:— Думаю, получится у них. Да и сам Бондарчук подходит. Ведь у меня Звягинцев задуман как пожилой, запаса второй очереди, солдат. Звягинцев жизнь знает, отслужил в армии... Солдат в окопе, крупным планом, со всеми деталями фронтового быта — вот что нужно. Нужно показать лицо солдата и в бою, и в затишье между боями.

— Михаил Александрович, тридцать три года с небольшим минуло с тех пор, как началась война. Что вы сказали бы сейчас о том времени?

— Чувства мои неизменны. Обо всем этом я писал не раз и в годы войны, и после победы, а изрекать прописные истины не стоит.— Шолохов замолчал, затянулся сигаретой, и сизый дымок потянуло в нависшую над верандой листву.— Главное — не терять веру,— проговорил он,— веру в народ, в его идеалы.

— Сейчас нередко говорят и спорят о том, какое место в духовной жизни народа должно быть уделено прошлому. Михаил Александрович, как-то в беседе со школьниками вы сказали, что видите в современной молодежи и свою революционную молодость, и соратников по созиданию сегодняшнего нашего общества, и тех, кому принадлежит будущее... И за это вот любите ее...

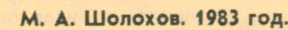
— Да, это правда. Чувство любви и беспокойства за тех, кто будет жить после нас,— это еще и ответственность перед будущим. Но будущего без прошлого не бывает. У нас и сегодня должна быть ответственность перед прошлым. Прежде всего — революционным прошлым. Перед тем, что отцы и деды наши задумывали, перед тем, что искал столетиями народ. Молодежи стоит почаще вспоминать, что они, отцы и деды, может, были моложе нас с тобой. И погибали за революцию, веря, что мы не подведем. Молодому человеку стоит задуматься: все ли сделано, чтобы надежды их исполнились? Не случается ли порой, что слово с делом расходятся? Может, бюрократизмом обросли, равнодушием? Это каждому надо проверять в себе. А сравнивать свою жизнь у нас каждому есть с чем. Народ в борьбе за лучшую долю оставил вечные памятники — и людей, и примеры героических поступков, и книги, в которых лучшие писатели выразили его надежды. ...Перед всем этим мы ответственны не менее, чем перед будущим. От этого никому не уйти.

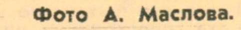
М. ШОЛОХОВ.
Беседа с корреспондентом «Правды».

Публикацию подготовил
С. АЛЕКСАНДРОВ.

Михаил Александрович и Мария Петровна Шолоховы.

Фото Н. Козловского.

М. А. Шолохов. 1983 год.

Фото А. Маслова.

Анатолий **СОФРОНОВ**

ДОМ МИХАИЛА ШОЛОХОВА

Великие реки начинаются спокойно, даже как бы неторопливо — узеньким ручейком, ключом подземным, озерцом, облаками примутненными... И потом вдруг разом за какой-нибудь излучиной раскрываются перед взором всею ширью водяного поля, всею далью неоглядного, нескончаемого пути, всею мощью своего голоса, до поры до времени спрятанного в еле слышном плеске прибрежных волн. Вот так сразу, за первым же поворотом «Донских рассказов», открылось миру могучее стремя «Тихого Дона», на берегу которого стоит и вечно будет стоять дом Михаила Шолохова.

Редкому художнику дано счастье в творчестве так сродниться со своей землей, так раствориться в ней, что само имя его уже может служить синонимом воспетого им края. Мы говорим «Шолохов» и видим за этим тучные черноземы юго-восточной России, ее необозримые исторические пространства. Мы говорим «Дон», и перед нами встает свет одного из самых загадочных, притягательных имен XX столетия — Михаил Шолохов.

Он родился в самом начале века. И основную ткань его произведений составляет та жизнь, современником которой ему выпало быть. Но корневая, родниковая связь с историей просвечивается во всем — в самом построении повествования, в авторском отношении к героям и, наконец, в языке шолоховской прозы — живом, крутом и неповторимом, как сама земля, этот язык породившая. Чтобы до конца понять Шолохова, нужно понять и этнографию, и историю, и даже климатические особенности Донской Земли, нужно почувствовать своеобразную судьбу так, как увидел и почувствовал художник.

«Представьте себе край, где за несколько копеек вы купите животрепещущую стерлядь и дорого заплатите за фабричную вещь; где в иных местах женщины пашут и косят, а в других, как бы подражая своим восточным прабабушкам, считают за труд заниматься даже самыми легкими работами; где на полудиком коне мчится с арканом в руке полудикий калмык, и тут же встречается модный экипаж на лежачих рессорах, где простой земледелец расскажет вам о Париже, Берлине, Варшаве, о гранитных утесах Финляндии, неприступных вершинах Кавказа и Альп... и о чем не расскажут вам старые донцы, изъездившие на своих лошадях Европу вдоль и поперек? Не правда ли, что край, соединяющий в себе резкие противоположности, по одному уже этому обстоятельству должен принадлежать к числу очень интересных стран и должен возбуждать любопытство в каждом образованном человеке. Но любопытство наше к Донской Земле возрастет еще более, если мы вспомним, что здесь вследствие особенной исторической жизни развились особенные, почти самостоятельные нравы и обычаи, которых в главной массе народа не успело еще поколебать всесокрушающее время; что здесь звание мирного земледельца соединено со званием воина; что здесь люди часто от плуга переходят к занятию значительных воинских должностей, а оставив службу, как герои отдаленной древности, нередко снова принимаются за плуг; что в Донской Земле до восьмидесяти тысяч воинов, в каждую минуту готовых сесть на собственных лошадей и выехать в поле с собственным оружием и в собственной амуниции, а в случае чрезвычайной надобности и вся мужская половина народонаселения способна сесть на коня и действовать оружием...

Несмотря, однако же, на все богатства, какие может представить Донская Земля для пытливого ума, край этот мало известен в печатном мире...» — эта пространная цитата взята мною из редкой ныне книги «Очерк земли Войска Донского» профессора Ходецкого, вышедшей в свет в середине прошлого столетия, как раз в то время, когда возвращался в родной хутор «в предпоследнюю турецкую кампанию» дед Григория Мелехова...

Мы не знаем, было ли в хорошо подобранной библиотеке семьи Шолоховых это издание, могло ли печатное слово натолкнуть будущего писателя на размышление о судьбе его родного Дона или, может быть, устные предания «о бывалом», отсвечивающие, по меткому замечанию историка Броневского, любовью «ко всему отечественному», открыли ему историю людей впечатлительных и страстных, не лишенных шероховатости и резкости, более диких, менее отполированных цивилизацией, склонных к действиям без оглядки, по первому порыву и велению души, людей, до самозабвения любящих свою землю. «Прадеды наши кровью ее полили, оттого, может, и родит наш чернозем»,— говорит Григорий Мелехов, и мы ощущаем за этими словами могучую историческую даль, ибо первые упоминания о казаках относятся к 1380 году, когда стояли они насмерть с войском Дмитрия Донского, выказав «сильную храбрость противу супостат агарянска языка»... Интересно то, что почти все историко-этнографические материалы, посвященные донским землям, могут служить своеобразным комментарием к чисто художественным произведениям, к образам, рожденным вдохновением Михаила Шолохова. И это соответствие художественной правды правде исторической говорит о том высшем реализме, который в каждом большом художнике появляется вместе с его рождением, который дается ему изначально вместе с языком, с ощущением быта и бытия своего народа. Впрочем, на этот счет есть и прямые свидетельства самого автора: «Я жил и живу среди своих героев. И это, пожалуй, главное... Мне не нужно было собирать материал, потому что он был под рукой, валялся под ногами. Я не собирал, а сгреб его в кучу». Не приблизительно, не понаслышке знал он жизнь, но принимал ее всем сердцем, чувствовал судьбу каждой былинки, каждого отдельного человека, а из этого складывалась судьба его земли и его народа...

Невообразимо красива лазоревая задонская степь. Это знает всякий, кто хоть однажды прошелся по ней пешком, стряхивая тяжелую росу с пушистых клеверов и медовых луговых кашек, кто видел, как скачет в намет, вздымая дальнюю пыль, молодой и горячий парень, кто пил из копанки в жаркие жары чистейшую ключевую водицу... Но пуще того знает об этом тот, кто хоть однажды читал Шолохова, склоняясь над бессмертными страницами, всем существом вбирая в себя многоцветье и многозвучье его чистого и яростного мира. Любовь и ненависть, страдание и гнев, красота и жестокость — все это в его книгах измерено мерой земной, мерой человеческой и народной. Связь с землею, не с метафорической и всеобщей, а с той конкретной черной почвой, на которой цветут его цветы и травы, над которой летают его шмели и птицы, в которую ложатся, умирая, его герои,— оказывается у Шолохова столь органической, столь сильной, что ощущение почти физического прикосновения к созданной им жизни делает его произведения как бы нерукотворными. Что написано, понимаешь сразу, без труда, поскольку живая правда ведет за собою. Но понять, как это написано, увы, невозможно. На пути от природы к искусству и ее воплощению в нем, природа легко теряет свое естество, свой неповторимый запах, цвет, свет. Шолоховым эти трудности преодолены почти без усилий, ибо между реальной жизнью и автором «Тихого Дона» и «Поднятой целины» не стоят другие художники, не носятся чужие вымыслы и догадки. Чтобы списывать не с копий, а с оригинала — с самой жизни,— необходимы не только честность, искренность и художническая беспощадность, но и редкая поэтическая мощь. Этой мощью наделила писателя земля родного ему хутора Кружилина, того святого места, на котором доныне стоит его первый в жизни родительский дом. Когда-то он был перенесен отсюда на другое место, но его вернули именно на тот двор, или, как говорят на Дону, на тот баз, где появился 24 мая 1905 года на свет Миша Шолохов... Все здесь то же: порыжелая от солнца камышовая челка крыши, дочиста промытые степным воздухом окна, растянувшаяся гармошкой лестничка, ведущая в низы — в две комнаты с глиняным полом под домом, в которых хорошо прятаться от жары. Обстановка самая скромная: в углу стол. Тяжелая, приземистая печь. Лавка вдоль стены. Табуретки. Веретено. Широкая деревянная кровать, покрытая полосатым черно-серым рядном... Какое-то необъяснимое волнение охватывает при виде этого старинного казачьего строения, без сомнения, оказавшего свое эмоциональное влияние на создание того куреня, в котором навечно поселил Шолохов семью Мелеховых. И здесь самое время сказать, что вообще понятия дом и семья в творчестве Шолохова играют особенную роль, они как бы концентрируют в себе все размышления художника о смысле жизни на земле, о человеческом предназначении, о влиянии на человека таких катаклизмов, как революция и война. Из разного рода исторических источников, из фольклорных кладезей мы знаем, как круто был замешен на сильных патриархальных дрожжах казачий быт, жизнь была скроена по единой мерке и строгая мораль не допускала никаких от нее отклонений. Не будучи казаком по рождению («отец — русский, мать — украинка»,— писал он в автобиографии), Шолохов, наверное, особенно остро с детства чувствовал вокруг себя эту старинную атмосферу житейской устойчивости и крепости. Первым мысль о семейном распаде («все смешалось в доме Облонских») и связанных с этим нравственных угрозах существованию общества открыл нам Лев Толстой. Но он считал, что язву, проникшую в высшие сословия, может залечить здоровая жизнь народа. Михаил Шолохов, родившийся на перетоке века, в переломный момент истории, наверное, шестым чувством уловил в народной среде опасность крушения «основной ячейки общества»— семьи. «Не погубите, братья, брата»— это клик, колокольный звон, набат — пунктирная красная ниточка в творчестве писателя.

Семья Мелеховых, выписанная с такой любовью автором, являет собою образец единства и взаимного уважения, это ядро нерасщепленное, неделимое. И вдруг — взрыв среди бела дня!— открытая связь Григория с замужнею Аксиньей... Женитьба его на Наталье Коршуновой, укрепив тем самым начавшийся было разлом, ничего не меняет. Напротив, пуще прежнего закрутился водоворот жизни — в действие вступают уже исторические силы — «все смешалось» в стране, в государстве, на земле Войска Донского... Буквально на глазах распадается ядро мелеховского рода. Один за другим гибнут главные герои «Тихого Дона»: Петро, Ильинична, Пантелей Прокофьевич, На-

Почта писателя. Фото Я. РЮМКИНА

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: На земле Михаила Шолохова. Дом, где родился писатель, в хуторе Кружилине * Зимний камыш * Летний пейзаж * Ненастный день * У колодца * Весна. Фото А. МАСЛОВА

Над тихим Доном. Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

ШОЛОХОВ

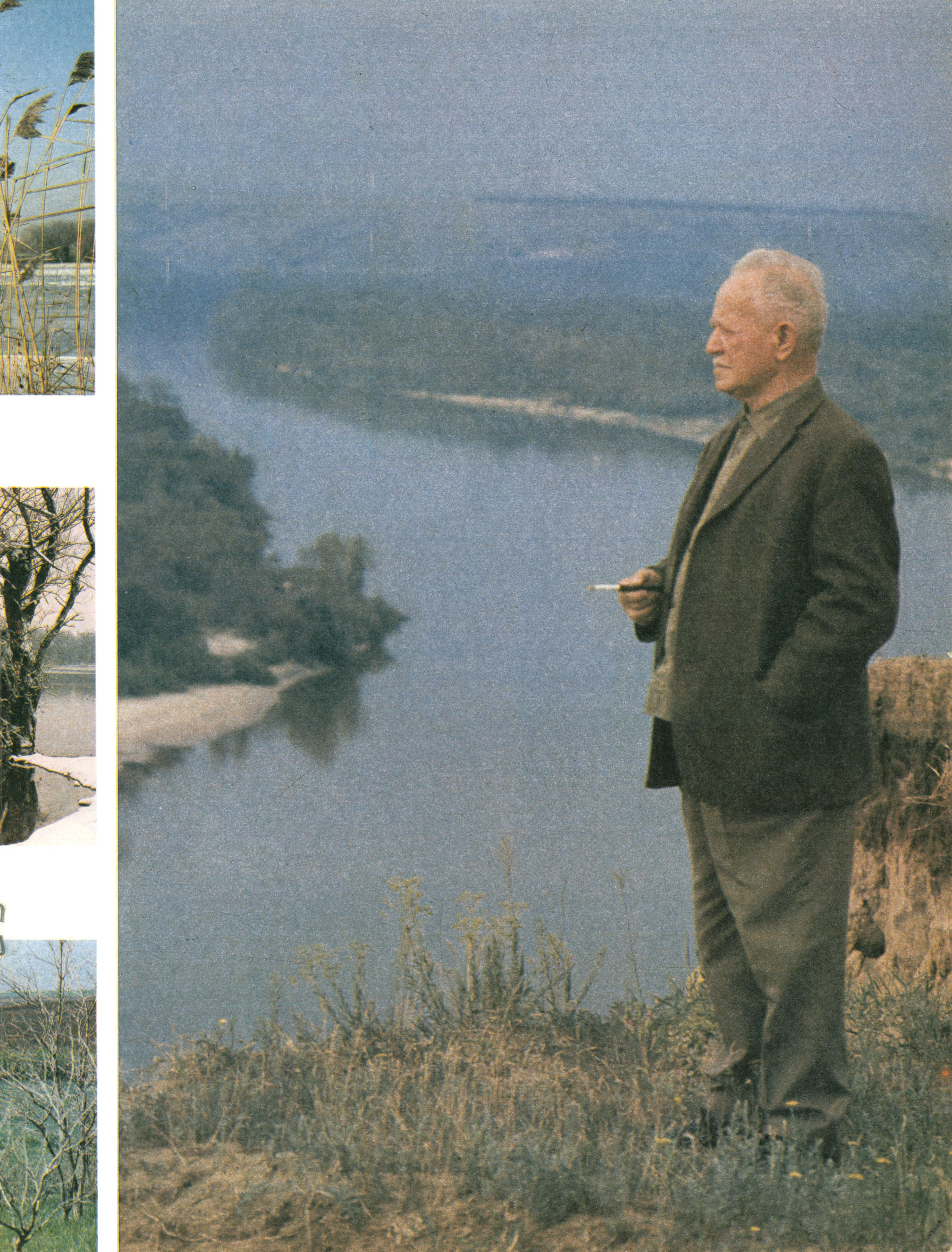

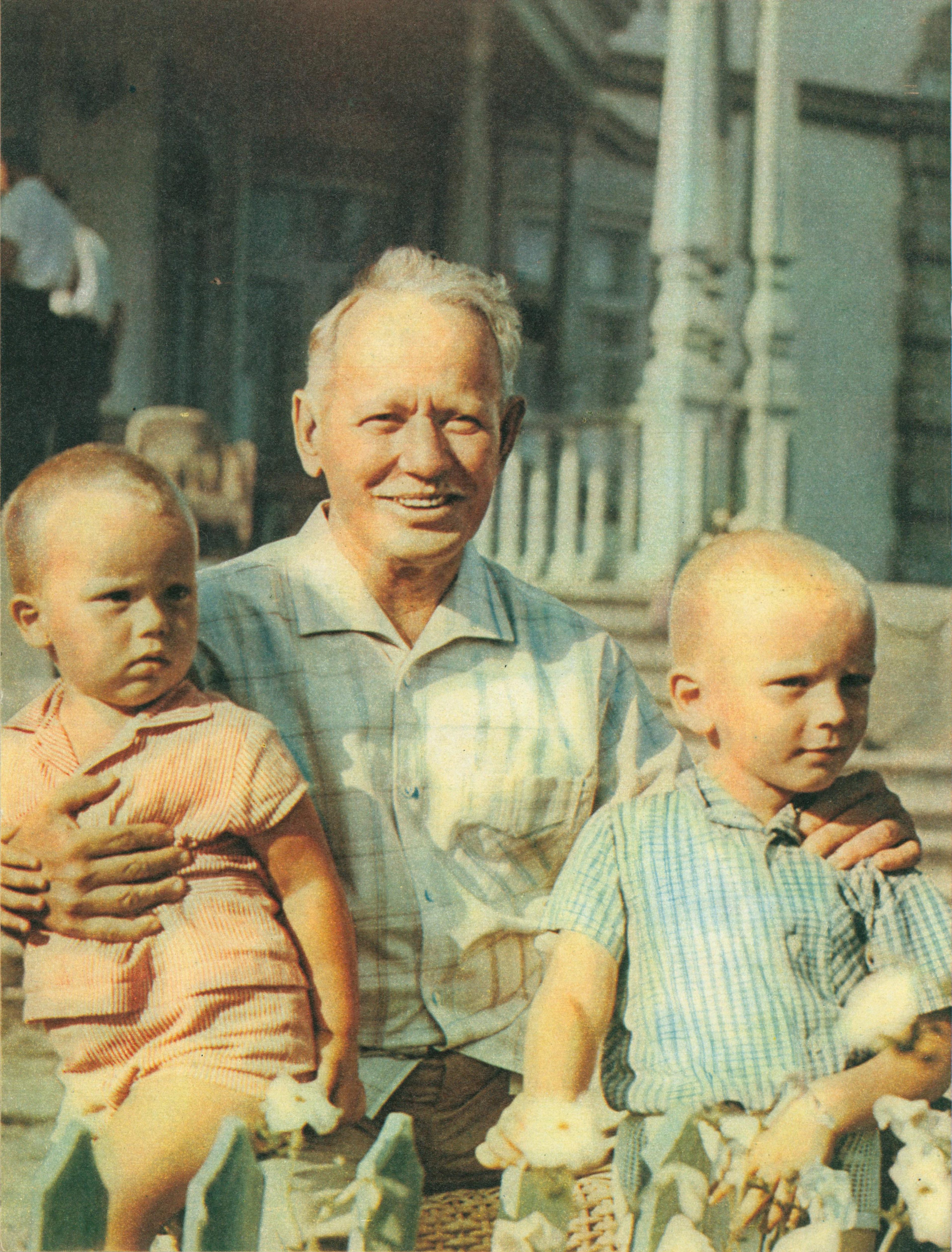

талья... Так и кажется порою, что трагическая любовь Григория к Аксинье, вихрем пронесшаяся по его короткой жизни,— виновница всех бед и метаний нашего героя. И когда в самом конце романа появляется слабая надежда на то, что эта любовь еще может, оправдав себя, выкупить у жизни право на существование, может дать двум усталым и измученным людям хоть горсточку счастья, шальная пуля в степи ставит последнюю точку. «И Григорий, мертвея от ужаса, понял, что все кончено, что самое страшное, что только могло случиться в его жизни,— уже случилось». Тут, казалось бы, и конец роману. Но нет, изначальная мысль Шолохова ведет дальше. «Все кончено»,— думает Григорий в час черного солнца, но несколько месяцев спустя возвращается все-таки в свое разоренное гнездо, влекомый подспудной силой сохранения рода. «...Вот и сбылось то немногое, о чем бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома (здесь и далее разрядка моя.— **А. С.**), держал на руках сына... Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром». Не читательского интереса ради заканчивает Шолохов свою эпопею таким образом. Мысль «семейная» — для него это мысль государственная, державная, особенно возвышенно-значительная на фоне «развороченного бурей быта»... И дальше — в подтверждение этого — мы обнаруживаем, что в романе «Поднятая целина» шолоховские герои, прошедшие сквозь горнило революции и гражданской войны и строящие новую жизнь, как бы жертвуют этому святому делу всем личным — никто из главных персонажей романа не имеет семьи: ни Давыдов, ни Нагульнов, ни Разметнов... Они, может быть, по мысли автора, должны своею жизнью «унавозить», подготовить почву счастливой жизни новых поколений людей?.. А если мы перечитаем внимательно главы из романа «Они сражались за Родину», то увидим, что и там семейный вопрос стоит на видном месте. В первый день войны приезжает Николай Стрельцов из командировки и узнает, что от него ушла жена... Трагедия народа и личная катастрофа сливаются воедино — вот уже поистине античный пафос! Но у Стрельцова есть дети, а значит, есть дом, который ему, солдату, надлежит защищать и в который надо вернуться. И не случайно Звягинцев, утешая товарища, говорит ему такие значительные, земные, приоткрывающие нам подспудную авторскую идею слова: «А ты брось, Микола, горевать о ней. Отвоюем, тогда видно будет. Главное — дети у тебя есть. Дети, брат, сейчас — главная штука. В них самый корень жизни, я так понимаю». И как бы продолжением этого разговора, венцом гуманистических исканий писателя служит рассказ «Судьба человека». Солдат, прошедший все ужасы «поднебесного ада», все нечеловеческие испытания войны, становится беззащитному ребенку и отцом и матерью, и тем самым, как птица, бережной нерастраченной душою лепит он на пепелище свое новое гнездо, лепит, но пока еще тоска по утраченному счастью, разоренному войной дому не дает ему покоя: «Тоска мне не дает на одном месте долго засиживаться. Вот уже когда Ванюшка мой подрастет и придется определять его в школу, тогда, может, и я угомонюсь, осяду на одном месте. А сейчас пока шагаем с ним по русской земле»— в этих словах Андрея Соколова содержится та высокая правда характера, правда судьбы и жизни, которая облекает художественную мысль писателя в плоть, придает ей особенную пронзительность и глубину. Да, Шолохов как раз тот художник, который всегда, в любой ситуации остается на стороне правды.

Мне кажется, о Шолохове написано так много, что прибавить к этому что-либо еще представляется трудным. И вместе с тем сказано так мало, что занавес, скрывающий от нас его подлинное величие, кажется порою только приоткрытым. Впрочем, само здание его духа, думается мне, закрепощает исследователя, воображение художника диктаторски ведет его за собою, если, конечно, о Шолохове берется рассуждать не холодный анатом, а живой и чувствующий живое человек...

В «Исповеди» Льва Николаевича Толстого есть следующая мысль: «Я отрекся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живем, лишают нас возможности понимать жизнь, и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей». Такие во многом непохожие писатели, как Толстой и Достоевский, сошлись в оценке и предугаданий будущего. «Я,— писал Достоевский в «Дневнике» писателя»,— никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских (или сколько их там народится) будут все когда-нибудь образованны, очеловечены и счастливы». Поразительны предвидения двух русских гениев! Но еще поразительней то, что самому своими глазами увидеть и своим сердцем запечатлеть родовые муки новой жизни выпало русскому гению XX века, тому, для кого такое, казалось бы, необъятное понятие, как «народность», было изначальным существом его творчества. Как говорится, народ сам в «роковые моменты истории» рождает своих летописцев и поэтов... Пожалуй, даже в предыдущем предложении следует убрать союз «и», заменив его дефисом.

Да, поэтом-летописцем был Шолохов в каждом своем произведении. Если окинуть взором молодую еще историю нашего государства, то мы увидим, что все ее ключевые моменты выписаны художником крупно, детально, достоверно, и вместе с тем это — достоверность, охваченная вьюгой живописного вдохновения. «Донские рассказы» и «Тихий Дон» — половодье революции и гражданской войны, «Поднятая целина» — затаенно-острая классовая борьба в период коллективизации, «Они сражались за Родину» и «Судьба человека» — война, прошедшая коваными сапогами по сердцу каждого советского человека... А есть еще ведь и шолоховская публицистика — страстная, действенная, художественно точная! По аналогии со знаменитым трудом русского полководца А. В. Суворова «Наука побеждать» Шолохов назвал свой очерк «Наука ненависти». Тяжела эта наука, великой кровью доставалась она нашему солдату, но без нее нельзя было победить. И поэтому, как слова устава, жестко, прицельно, афористично звучат слова писателя: «И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах... то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков...» А вспомним «Письмо американским друзьям», написанное Шолоховым в 1943 году, когда открытие второго фронта, как воздух, необходимо было нашей, уставшей от войны стране. «...Я хочу обратиться к вам очень прямо, так, как нас научила говорить война,— обращает Шолохов за океан исполненные боли, лаконичные фразы.— Я потерял свою семидесятилетнюю мать, убитую бомбой, брошенной с немецкого самолета... Мой дом, библиотека сожжены немецкими минами. Я потерял уже многих друзей — и по профессии, и моих земляков — на фронте. Долгое время я был в разлуке с семьей. Мой сын тяжело заболел за это время, и я не имел возможности помочь семье. Но ведь в конце концов это личные беды, личное горе каждого из нас. Из этих тяжестей складывается всенародное, общее бедствие, которое терпят люди с приходом в их жизнь войны... Враг перед нами коварный, сильный и ненавидящий наш и ваш народы насмерть. Нельзя из этой войны выйти, не запачкав рук. Она требует пота и крови. Иначе она возьмет их втрое больше. Последствия колебаний могут быть непоправимы. Вы еще не видели крови ваших близких на пороге вашего дома. Я видел это, и потому я имею право говорить с вами так прямо». Тема дома, как видим, и здесь возникает со всей очевидной закономерностью: и дом родной — дом, и страна — дом, и земля — дом. И поэтому в послевоенных статьях и выступлениях Шолохова так остро звучит идея борьбы за сохранение нашего общего дома, нашей общечеловеческой семьи: «...В последние годы над колыбелями миллионов детей нависла новая мрачная тень — дьявольская тень водородной бомбы... Человечество не вправе допустить, чтобы солнце заволокли губительные тучи радиоактивной пыли, чтобы воздух стал смертоносным. Мы рождены для жизни и будем жить!» — этим словам, написанным четверть века назад, и по сей день нет старения, как нет старения всем обитателям на века построенного Шолоховым литературного дома: ни Григорию, ни Аксинье, ни Наталье, ни Степану, ни Лушке, ни Щукарю, ни Нагульнову, ни Разметнову, ни Давыдову, ни Андрею Соколову... А секрет, может быть, в том, что писатель всегда ставил своего героя не только перед временем, но и перед вечностью, и она, холодная, отдаленная, поверяла живую и такую близкую жизнь человека. Вспомним хотя бы одну из страниц «Поднятой целины»: «Где-то позади остался, скрылся за изволоком Гремячий Лог, и широкая — глазом не окинешь — степь поглотила Давыдова. Всей грудью вдыхая хмельные запахи травы и непросохшего чернозема, Давыдов долго смотрел на далекую гряду могильных курганов... Потом рассеянно блуждающий взгляд его поймал в небе еле приметную точку. Черный степной орел — житель могильных курганов — царственно величавый в своем одиночестве, парил в холодном поднебесье, медленно, почти незаметно теряя на кругах высоту. Широкие, тупые на концах, недвижно распростертые крылья легко несли его там, в подоблачной вышине, а встречный ветер жадно облизывал и прижимал к могучему костистому телу черное, тускло блистающее оперение. Когда он, слегка кренясь на разворотах, устремлялся на восток, солнечные лучи светили ему снизу и навстречу, и тогда Давыдову казалось, что по белесому подбою орлиных крыльев мечутся белые искры, то мгновенно вспыхивая, то угасая.

...Степь без конца и края. Древние курганы в голубой дымке. Черный орел в небе. Мягкий шелест стелющейся под ветром травы... Маленьким и затерянным в этих огромных просторах почувствовал себя Давыдов, тоскливо оглядывая томящую своей бесконечностью степь. Мелкими и ничтожными показались ему в эти минуты и его любовь к Лушке, и горечь разлуки, и несбывшееся желание повидаться с ней... Чувство одиночества и оторванности от всего живого мира овладело им. Нечто похожее испытывал он давным-давно, когда приходилось по ночам стоять на корабле «впередсмотрящим»...» Короткая, как вспышка зарницы, земная жизнь человека и бесконечная жизнь природы — степи, могильного кургана, высокого небесного купола... Вот она, живая шолоховская философия, рожденная не в кабинетных муках, не в изысканных лабораториях слова, а в доме большого, трепетного сердца художника.

Все мы, наверное, знаем слова Серафимовича о молодом орелике, внезапно так широко распахнувшем свои крылья... Несколько лет назад на старинном вешенском кургане был воздвигнут необычный памятник. Помню, как в тот год подъезжали мы к Вешкам со стороны степи и еще издали увидели острый орлиный профиль. А когда поравнялись с ним и вышли из машины, совсем рядом увидели того орелика, который издали казался нам таким малым. Но здесь, на вершине кургана, он представился могучим, ширококрылым, уже, пожалуй, и не ореликом, а орлом, раскрывшим крылья перед полетом. И этот орел, и все, что лежало вокруг кургана,— и степи, и желтые, вперемежку с черными, уже вспаханными, поля,— все было единым. А влево поодаль и вправо у самой Вешенской сверкал золотисто-синий Дон, на берегу которого стоит — теперь уже обескрылевшим лебедем — белый двухэтажный дом — последнее земное жилище Михаила Шолохова, подле которого — в Донскую Землю — на веки вечные положен его прах.

Каждый из нас подвержен воспоминаниям... И стоит мне закрыть глаза, как я вижу Шолохова: то еще совсем молодым, тридцатипятилетним, стоящим на самой береговой крутизне, то суровым, чуть схваченным ковыльной изморозью — в зареве полыхающей по стране войны, то задумчивым — уже на пороге восьмидесятилетия. Придет час, и мы, счастливцы, которым выпало лично знать «русского Баяна новейших времен», сложим свои воспоминания в общий кошель и передадим его своим детям и внукам, дабы сохранили они для потомков образ великого писателя земли нашей. Но это еще все в будущем.

Михаил Александрович Шолохов с внуками.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

СЛОВО О ШОЛОХОВЕ

Накануне 80-летия М. А. Шолохова известные советские прозаики передали в редакцию написанные специально для «Огонька» материалы, посвященные великому русскому советскому писателю. Мы публикуем их под рубрикой «Слово о Шолохове».

Анатолий КАЛИНИН

ГЛАВНОЕ НАСЛЕДСТВО

Сила притяжения творчества и самой личности Шолохова огромна, поле влияния его на все стороны современной общественной жизни беспредельно. Сколько бы ни прикасаться к теме «Шолохов», чувство невысказанности тобой чего-то самого существенного не уменьшается, а, напротив, все больше возрастает, превращаясь в ту самую несказанность, которая и составляет главную прелесть этой темы.

Поиски и страстное утверждение «очарования человека в человеке», которые составляли смысл его творческой жизни, неотторжимы были у Шолохова от непреходящего очарования красотой природы. Покоренному читателю так и не дано уследить, как естество жизни переходит под пером писателя в естество искусства. С появлением «Тихого Дона» и «Поднятой целины» литература заговорила на языке самого народа, и оказалось, что это-то и есть истинная литература нашего времени.

Но самое главное наследство, оставленное Михаилом Александровичем Шолоховым всем нам, всем последующим поколениям писателей, состоит в том, что уже на ранней заре своего творчества он ни на минуту не замешкался перед выбором: «С кем?» — «Только с Революцией. С Лениным. С народом».

Набережная в Вешенской.

НА РОДИНЕ ПИСАТЕЛЯ

Людмила РАЗОГРЕЕВА, заместитель директора Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова

Богата замечательными людьми донская земля. Прославили ее герои Октябрьской революции, гражданской и Великой Отечественной войн, хлеборобы и шахтеры, рабочие промышленных предприятий и представители творческой интеллигенции. Но никто не сделал так много, как ее верный сын — Михаил Александрович Шолохов, слава которого далеко перешагнула не только границы донского края, но и государственные рубежи.

Сейчас на родине писателя создается Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова.

...На въезде в хутор Кружилин стоит под камышовой крышей дом с низами. Даже в пасмурный день залиты светом его комнаты. Здесь жил Михаил Шолохов со своим отцом Александром Михайловичем и матерью Анастасией Даниловной.

В самой большой комнате у окна — рабочий стол отца, здесь он вел свои деловые бумаги, читал, писал письма или ходатайства по просьбе своих многочисленных посетителей.

В полуподвальных низах дома, которые служили семье кухней, а в летнее время и столовой, большая русская печь, нехитрая, обычная для старинных казачьих домов Верхнего Дона, обстановка.

По рассказам старожилов-кружилинцев, которые уже давно передаются из поколения в поколение, здесь всегда мог найти приют на ночь и привет запоздалый путник.

Широкий круг интересов отца писателя отличал его от других хуторян. На своей кружилинской усадьбе он растил сад с редкими по тому времени сортами фруктовых деревьев, а за саженцами ездил за десятки верст. Немало надо было терпения, знаний, умения, чтобы вырастить в засушливой, продуваемой суховеями степи сад, который и сейчас старики вспоминают как диковинку.

Время, пожар Великой Отечественной войны, захлестнувший и правобережье верховьев Дона, по сути дела, уничтожили сад.

Сейчас сотрудники музея-заповедника уточняют его планировку, сорта плодовых деревьев и кустарников, чтобы в недалеком будущем зацвел он вновь, как было это в ту далекую весну 1905 года, когда родился будущий писатель.

В десятке километров от Кружилина, сбегая левадами и огородами к речке Чиру, расположилась старинная казачья станица Каргинская. Сюда в 1910 году и переселилась семья Шолоховых.

Ехали прямиком, степной тряской дорогой. С любопытством впитывал в себя все, что окружало его, пятилетний хуторской мальчишка. А через два десятка лет он найдет такие слова, чтобы выразить свое видение мира, которые заставят волноваться даже самые черствые сердца: «...Степь родимая! Горький ветер, оседающий на гривах косячных маток и жеребцов. На сухом конском храпе от ветра солоно, и конь, вдыхая горько-соленый запах, жует шелковистыми губами и ржет, чувствуя на них привкус ветра и солнца. Родимая степь под низким донским небом! Вилюжины балок суходолов, красноглинистых яров, ковыльный простор с затравевшим гнездоватым следом конского копыта, курганы, в мудром молчании берегущие зарытую казачью славу... Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачьей, не ржавеющей кровью политая степь!»

В станице Каргинской в шесть лет с помощью учителя Т. Т. Мрыхина вывел Миша первые буквы, прочитал первые слова, здесь учился грамоте в церковноприходской школе. Отсюда увозил его отец на учебу в гимназию.

Здесь Шолохов в годы гражданской войны участвовал в утверждении Советской власти на Дону, ликвидации неграмотности, работал в первых советских учреждениях.

В богатой казачьей станице в первые годы двадцатого столетия казаком-урядником Тимофеем Каргиным была построена паровая мельница. Рядом с ней его зять, талантливый механик-самоучка, открыл кинотеатр с громким и модным в те годы названием «Идеал», где на потеху детворе и молодежи и к большому недовольству стариков показывали под аккомпанемент пианолы немудреные немые фильмы.

Позже, в двадцатые годы, на сцене «Идеала» каргинская молодежь ставила любительские спектакли. Участвовал в них и Михаил Шолохов. Фаина Николаевна Попова, ровесница Михаила Александровича и участница этих спектаклей, с удовольствием вспоминает далекие годы своей юности: «Мы готовились всегда к выступлениям на сцене как к праздникам. Хорошо помню участие в них Шолохова. Чаще мы играли классические вещи. Но ни одна постановка не обошлась без того, чтобы Михаил не внес в нее что-то свое, или жест, или реплику. Он очень любил импровизировать. Спустя некоторое время он принес нам в дом и подарил первые маленькие книжечки своих рассказов — мы приняли это как должное, знали: талантлив».

Будет со временем восстановлено здание бывшего кинотеатра, каким оно было в 1920 году, со сценой, суфлерской будкой, рядами венских стульев и казачьих лавок.

Заведующий отделом историко-мемориальных экспозиций музея П. Я. Донсков разыскал бывшего суфлера молодежного самодеятельного театра Михаила Яковлевича Зыкова. Он многое рассказал об участии Михаила Шолохова в драмкружке, о пьесах, которые писал он для самодеятельных артистов, высмеивая купцов, пьяниц, религиозные пережитки. Очень любил музыку, особенно казачьи народные песни, часто переделывал их слова на свой лад, вкладывая злободневное содержание.

В центре станицы стоит сейчас новая краснокирпичная школа с просторными классами, современно оборудованными учебными кабинетами, в комнате-музее М. А. Шолохова — трехместная парта, за такой учился он грамоте. Первоклассникам здесь в первую очередь рассказывают о телеграмме, полученной каргинцами в 1960 го-

ду: «Прибыв на родную землю, рад сообщить дорогим станичникам, что строительство новой школы в станице Каргинской по решению Совета Министров РСФСР начнется в этом году. Полученная мною Ленинская премия целиком передана на строительство новой школы, взамен той, в которой когда-то давно я учился грамоте.

Крепко обнимаю всех каргинцев. Ваш Михаил Шолохов».

А в старом здании школы будет воссоздана классная комната 1912—1913 годов. В других залах будет рассказано о Шолохове в годы учебы в церковноприходской школе, гимназиях.

На одной из центральных улиц Каргинской среди добротных домов и заборов стоит скромный курень, обнесенный традиционным казачьим плетнем, с воротами из тонких жердей. Здесь молодой Шолохов писал свои ранние рассказы, здесь родился замысел «Тихого Дона». Дом приведен в порядок, в нем воссоздана по воспоминаниям жены писателя Марии Петровны, старожилов обстановка, которая окружала молодого Шолохова в середине 20-х годов.

Центром музея-заповедника станет станица Вешенская, в которой около шестидесяти лет прожил писатель, писал «Тихий Дон», «Поднятую целину», «Они сражались за Родину», «Судьбу человека».

Годы жизни М. А. Шолохова в Вешенской — годы расцвета его таланта.

В доме № 103 по улице Шолохова начаты реставрационные работы. Экспозиция здесь должна отразить не только время конца 20-х — начала 30-х годов, но и ту исследовательскую работу, которая сопутствовала созданию «Тихого Дона» и «Поднятой целины».

В бывшем здании гимназии в пяти залах уже в мае этого года откроется выставка, посвященная жизни и творчеству Михаила Александровича. На ней — рукописи, книги, фотографии, личные вещи писателя и письма, подлинные работы Ю. Реброва, О. Верейского и других художников, созданные под впечатлением шолоховских произведений. Со временем будет оформлена и постоянная экспозиция, рассказывающая о литературной и общественной деятельности М. А. Шолохова.

С удовольствием расскажут станичники посетителям о Шолохове—рыбаке и охотнике, о человеке, понимавшем и ценившем острую народную шутку, раздольную казачью песню.

А. П. Грибанов, полковник в отставке, краевед, проведет гостей заповедника по местам «Тихого Дона»: Девичьей поляне, сенокосному заливному лугу, покажет Черный яр, где Григорий и его горячий, строптивый батя, должно быть, «сидели зорю», ловили изжелта-красных сазанов, песчаный курган, где сложили голову в гражданскую войну красноармейцы. Покажет и Аксиньин лес, где по весне, будто споря с его темноватой сыростью, белым чистейшим фарфором цветут майские ландыши и продолжают свою древнюю и молодую песню жизни донские соловьи.

Приведет паломника тропинка над Доном или наезженная дорога по сосновому лесу к хутору Лебяжьему, послужившему одним из прообразов Гремячего Лога. Теперь он влился в мощное современное хозяйство — совхоз «Поднятая целина». Символично название, символичен и однолемешный плуг на границе совхозных земель. Таким когда-то пахал, до соленого пота налегая на чапиги, Семен Давыдов.

Самое заинтересованное участие приняли в создании музея-заповедника все, кому дорог М. А. Шолохов, кому помогали его книги в трудную минуту жизни, вселяли надежду, заставляли страдать и улыбаться. Прежде всего неоценимы помощь и добрая поддержка в создании музея-заповедника жены писателя Марии Петровны, его детей.

В фонд музея передал томик «Тихого Дона» в потертом, видавшем виды переплете ветеран Великой Отечественной войны И. Ф. Копылов. В книгу вложена записка: «Эта книга всю войну прошла со мной, четыре года носил ее в противогазной сумке, и в вещевом мешке за спиной, и в кармане шинели. Она слышала, как свистят пули, рвутся снаряды, она видела, как зимой в заснеженном окопе замерзал солдат. Где-нибудь в далеком чужом краю защемит сердце, затоскует душа по дому — достаю эту книжку. Читал ее друзьям по взводу, роте, полку и видел, как веселели суровые лица бойцов. Пришел домой измученным, уставшим, принес книжку измятой, потрепанной. Теперь гляжу на нее как на своего друга-однополчанина».

Несколько писем писателя к вешенцу А. Бондаренко подарила музею его дочь Т. А. Бондаренко. Одно из первых изданий «Тихого Дона» — учительница Т. П. Карпова.

Начиная с 30-х годов Шолохов все силы отдает людям родного края. Жизнь вешенцев была и его жизнью. Он ездил по колхозам, помогал встать на ноги молодым хозяйствам, радовался первым росткам новой культурной жизни в казачьих хуторах, руководил литературным кружком при редакции районной газеты «Большевистский Дон», занимался организацией казачьего хора из песенников верхнедонских хуторов, самое деятельное участие принимал в создании театра казачьей и крестьянской молодежи, первым спектаклем которого в 1937 году была «Поднятая целина». Этот же спектакль был и последним 21 июня 1941 года...

Сохранились и переданы в фонд музея довоенные программки театра, интересные фотографии, другие документы — свидетельства общественной деятельности писателя. Вот лишь один документ — записка М. А. Шолохова инвалиду Отечественной войны Г. И. Кочетову, переданная им на хранение музею-заповеднику: «Уважаемый Георгий Иванович! По моей просьбе Вешенский РИК возбудит перед соответствующими организациями ходатайство о предоставлении Вам путевки. Думаю, что путевку достанем. Необходимо Вам поговорить с врачами и выяснить, куда и в санаторий какого типа нужна путевка. По выяснению напишите мне или же т. Мищенко. С приветом М. Шолохов. 7.02.1946 г.».

Все эти и другие не менее ценные материалы, по крупицам собранные сотрудниками музея, займут свое место на выставках, в экспозициях.

Только начинает свое существование музей-заповедник, немало трудностей и проблем встает перед его создателями. Но вдохновляет чувство сопричастности увековечению имени и дел великого гуманиста.

Вешенская.

М. Шолохов (стоит крайний слева) в годы учебы в гимназии. Публикуется впервые.

Дом писателя в станице Вешенской.

М. Шолохов с друзьями юности. Ростов-на-Дону. 15 ноября 1923 года.

СЛОВО О ШОЛОХОВЕ

Михаил АЛЕКСЕЕВ

ВЕЛИКИЙ СТАНИЧНИК

Из всех человеческих объяснений самым, пожалуй, трудным и даже мучительным является объяснение в любви. В этом случае мы становимся неловкими, косноязычными, путаемся в словах, застреваем в них, как в силках, говорим невпопад. Чувствуя свою полную беспомощность выразить то, чем полна душа, умолкаем.

Такое состояние испытал и я, когда впервые встретился с Михаилом Александровичем Шолоховым у него на квартире в Староконюшенном переулке Москвы. Меня привез к нему поэт Сергей Васильев где-то в конце пятидесятых годов. Шолохов встретил нас на улице. Поскольку было это зимой, он вышел в ватничке, шапке-ушанке и валенках.

Васильев задержался зачем-то, а мы оказались с Шолоховым в лифте вдвоем.

Как же долог показался мне путь до четвертого этажа! Я прятал глаза, не смея поднять их на любимейшего писателя. Кажется, и он испытывал нечто похожее на неловкость. Может быть, поэтому перед самой дверью своей квартиры сказал:

— А вы уж, тезка, не смущайте больше меня своим смущением!

И камень сдвинулся с души. Сделалось просторнее.

Были встречи позднее. Их было немало, этих встреч. И я благодарен чувству неизбывной, неиссякающей любви к этому человеку, оно, это чувство, не позволило мне ни единого раза переступить порог, за которым подстерегает нашего брата скверненькое амикошонство.

В смысле литературном Шолохов был для меня (да только ли для меня одного!) более чем учитель. Он был моим крестным отцом. Для этого ему нужно было сделать очень «немного» — написать «Тихий Дон» и «Поднятую целину» и обронить как бы мимоходом два коротких слова в адрес одного моего произведения: «Крепенький романчик». Сказано это было в Ростове-на-Дону, в гостинице «Московская». Помнится, были там писатели Всеволод Кочетов, Виталий Закруткин, Ашот Гарнакерьян, Анатолий Калинин и кто-то еще. Никто из них не знал, что в ту ночь я так и не ложился спать: ходил по ночным улицам города как ошалелый, и Ростов казался мне в тысячу раз прекраснее, чем был до того дня.

Как часто мы, ведя полемику с нашими идеологическими недругами, опирались на могучий шолоховский авторитет. Как часто волны «Тихого Дона» начисто смывали злобную фортификацию тех, кому уж очень хотелось бы доказать недоказуемое: Октябрь, мол, оказался «бесплодным» по части создания духовных ценностей.

Дивные творения великого вешенского станичника стоят на страже советской культуры. И они бессмертны.

Молодой Шолохов.

Федор ШАХМАГОНОВ

«НЕДОЛГО ОСТАЛОСЬ МНЕ ГОНЯТЬ ГЕРОЕВ РОМАНА...»

Михаил Александрович Шолохов был очень скуп в рассказах о своем творчестве и очень осторожно и неохотно делился публично своими творческими планами, несмотря на то, что читатели настойчиво интересовались и тем, как он работает, и каковы его замыслы.

Мне довелось на протяжении восьми лет выполнять обязанности его секретаря, и я имел возможность оценить сдержанность писателя и понять ее причины. Нежелание говорить о своих творческих замыслах диктовалось отнюдь не излишней скромностью, а высочайшей требовательностью художника к тому, что он готовился отдать на суд читателя. Михаил Александрович никогда не был рабом замысла, заранее спланированной архитектуры произведения, не его воля вела героев, а он шел за своими героями, оживающими под пером Шолохова. В свое время очень многие были взволнованы судьбой Григория Мелехова, раздавались даже упреки автору, что его герой не нашел себя в революции.

Понятно, сколь драгоценно ныне для нас, для истории советской литературы каждое новое документальное свидетельство о работе Михаила Александровича над романом века «Тихий Дон».

Перед нами впервые публикуемое письмо Михаила Александровича к его другу Николаю Петровичу Романову, отправленное из Вешенской в Лондон весной 1938 года. Николай Петрович Романов, профессиональный революционер, участник большевистского подполья, в годы революции и гражданской войны организатор Советской власти в Пензенской губернии и в Мордовии, первый председатель ЧК в Инсарском уезде, председатель уездного совета, делегат Всероссийской конференции РКП(б) 1919 года. В 1919 году он сумел организовать доставку 13 000 пудов хлеба голодающим рабочим Питера и Москвы. В 1921 году Н. П. Романов был отозван в центр и в тридцатых годах представлял интересы советского торгового флота за рубежом.

Познакомились Михаил Александрович и Николай Петрович в Москве, в 1925 году, как раз в то время, когда началась работа писателя над романом.

«Дорогой Коля!

Письмо твое лежало в Вешенской, а я тем временем ездил по станицам, а потом гостил в Москве. Только собрался написать, но должен сообщить тебе, что однажды уже писал, однако ответа не получил (в августе — сентябре пр. г.). Просил тебя, дьявола, прислать лесок, т. к. хоперские сазаны сокрушили все мои английские снасти, и я остался к концу сезона почти безоружным. Уж и поругал я тебя тогда, что называется в свое удовольствие! Слушай, почему ты едешь в отпуск в мае? А наше условие — погромить сазанов на Дону и Хопре? Или ты совсем покидаешь Лондон? Пора бы тебе оттуда скочевать, хватит, пожил! Письмо твое читал с огромным удовольствием и даже на минуту представил, как ты ловил бы на комара... Хотя для тебя размеры рыбы, идущей на комара и личинку, не новость: когда-то ухитрялись же вы весь улов помещать в бутылке от рябиновки. Если у тебя поездка на время отпуска, отложи его до августа, пожалуйста! А в августе, приехав в Ленинград или Погорелое, бери билеты на себя и Катю — с пересадкой в Москве — прямо до ст. Миллерово. От Миллерова довезу вас до Вешек без билетов и, дав передохнуть денек,— на Хопер! Я ведь тебе когда-то уже говорил, какие там стерляди, сазаны, арбузы и пр., чем жив человек. К тому же глушь там такая, что сразу Лондон (память о нем) выветрится у тебя, и превратишься ты за короткий срок в «первобытного человека». Ну, это ли не удовольствие? А запивать стерлядь и куропаток будем не каким-либо презренным джином или виски, а тем самым «соком кипучим, искрометным», который некогда воспел известный дегустатор Александр Сергеевич. До станицы Цимлянской — рукой подать, да, кстати, виноградари — казаки этой станицы мои избиратели. Ты понимаешь, чертушка, до чего это здорово? Нет, май неподходящий месяц. Для отпуска неподходящий: около Дона на 30 километров мошкара, рыба не ловится (сазан), охоты нет, арбузов, дынь — тоже.

Срочно пиши, как ты едешь, в отпуск или совсем? И еще одно: заявишься в Москву — стукни телеграмму. Приеду проведать тебя и договориться о совместной борьбе с сазанами.

Посылаю образчик лесы. Купи сверток (ярдов 60) такой, вощеной и потолще, да попрочнее невощеной. Чтобы держала сазана фунтов на 30—40. Захвати десятка два-три крючков среднего размера, но толстых в стебле.

Табак получил. Написал капитану «Жданова», чтобы сообщил твой адрес (послал тебе письмо и потерял адрес), но он не ответил. Спасибо за табак. Выкурил его за 2 недели, а потом снова перешел на махорку «головтютюна». Привези табаку и трубку кривую, охотничью (с кривой удобнее ходить). Если в апреле сумею перевести тебе англ. деньги, то буду просить, чтобы привез еще кое-что, разумеется не зебру, а по части курева. Вот и вся, как ты говоришь, «прочь поэзия», т. е. работа выходит мне боком: некогда писать за общественными нагрузками. Утешаюсь тем, что недолго осталось мне гонять героев романа, скоро кончу. В мае, видимо, кончу. У нас весна, со дня на день полетит птица. Дон местами поломался. Снегу почти нет, пашни за Доном голые, и по-весеннему ясны горизонты. Дня два назад прошла на север 1-я станица гусей! Не задержи ответ. Обнимаю тебя и желаю всего доброго. Привет Кате.

М. Шолохов».

Остается добавить, что «Тихий Дон» был окончен не в мае 1938 года, а в декабре 1939 года.

Фрагмент письма М. А. Шолохова Н. П. Романову.

Дорогой Коля!

«САМ Я ТОЛЬКО ПИШУ...»

Более 20 лет не расставалась Мария Ивановна Гринева (1895—1966) с письмами, которые были адресованы ей М. А. Шолоховым в 1933 году. Бывшая выпускница драматических курсов Софьи Васильевны Халютиной, М. И. Гринева была тесно связана с М. И. и А. И. Цветаевыми, М. А. и Е. О. Волошиными, М. П. Кудашевой (в замужестве — Роллан), А. Н. Толстым. Она гастролировала по России в 20-е годы с Иваном Ильичом Мозжухиным и его женой Наталией Андриановной Лисенко, позже стала актрисой Камерного театра. Неодолимая поступь Страны Советов способствовала и ее энергичной тяге к «новым берегам». Она вступила на литературное поприще, заявив о себе как очеркист на страницах журналов «Крестьянка» и «Работница» и как драматург. Действие одного из ее драматических опытов — «Город, слушай!» — разворачивалось в деревне средней полосы России, строящей жизнь «на новый лад».

Драматург и актриса М. И. Гринева знакомится с отдельными изданиями прозаических произведений М. А. Шолохова «Поднятая целина» (1932) и «Тихий Дон» (кн. 3, 1933) и обнаруживает в них поистине драматический материал. Она готовит литературную композицию по роману «Поднятая целина» и выступает с ней в студии, организованной Р. Н. Симоновым при театре имени Евг. Вахтангова, и с эстрадных площадок.

Мария Ивановна Гринева, представительница старшего поколения деятелей русской культуры, обратилась к М. А. Шолохову именно в ту пору, когда его сложная и многомерная индивидуальность стала очевидной для всех — литературных наставников (М. Горького, А. Серафимовича, А. Луначарского) и рапповских критиков-сектантов. Если одни видели в Шолохове проявление талантливости русского народа, то другие, которым вхождение Шолохова в искусство было не по душе, стремились опорочить или сломить его. Мария Ивановна, чье имя сегодня полузабыто, была в числе тех, кто нес писателю слова добра и поддержки.

Письмо, датированное 28 декабря 1933 года, овеяно теплотой человеческого общения. В реакции на хвалу подспудно выразилось мудрое отношение Шолохова к критике в период становления его личности. Достойно отражая хулу своих литературных врагов, целиком доверяясь высокому авторитету М. Горького и А. Серафимовича, Шолохов в письме формулирует свою позицию творчески независимого, взыскательного к самому себе художника, для которого «Своя оценка... всегда правдивей». Письмо полно уважения к чужому труду и доброго такта. И, хотя в нем нет прямой оценки пьесы М. И. Гриневой «Измена», Шолохов помогает писательнице убедиться в том, что жизнеутверждающий художнический пафос поможет ей преодолеть любые препятствия. Шолохов ориентирует Гриневу на светлую прозрачность пришвинского гения, возвращающего силу духа.

Эти два письма М. А. Шолохова — конечно, лишь эпизод в эпистолярном наследии писателя. Письма были переданы в отдел рукописей адресатом.

«Уважаемая т. Гринева!

В Москве я буду примерно числа 10 июля; не откажите в любезности «звякнуть» мне по телефону (3-13-83). Меня очень занимает Ваш метод чтения «сгущенного» романа. Что касается переделки «Под/нятой/ целины» в пьесу — сейчас я затрудняюсь ответить Вам положительно, т/ак/ к/ак/ веду переговоры о переделке и постановке с театром Вахтангова и ответ будет целиком зависеть от того, как договорюсь с этим театром.

Пьесы Вашей не получил.

С прив/етом/ М. Шолохов»

* * *

|28 декабря 1933|

«Уважаемая т. Гринева!

Получил Ваше теплое письмо, помедлил с ответом, т/ак/ к/ак/ собирался вскоре ехать в Москву, а сейчас отложил поездку и решил написать Вам.

Очень жалею, что не пришлось нам увидеться прошлый раз. Был я в Москве недолго, жестоко захворал там, провалялся в гостинице несколько дней и, еле оправившись, уехал опять на тихий Дон. Ежели б не эта беда — непременно повидал бы Вас и послушал, как Вы читаете. Сам я только пишу, а вот читать не умею и отношусь к умеющим читать примерно так, как относится безголосый человек к тому, кто хорошо поет.

Пьесу Вашу получил, читал. При встрече скажу Вам свое мнение. «Несколько слов», как Вы пишете, говорить нельзя. Вы же не за присест ее написали? Как же можно то, во что вложен труд, оценить походя? С удовольствием прочту ту, которую Вы считаете лучше. Своя оценка, по-моему, всегда правдивей.

А меня Вы перехвалили. Хотя «поощрение столь же необходимо писателю, как канифоль смычку виртуоза», но Вы меня, ей-богу, «переканифолили», а вот про такого чудеснейшего писателя, как Пришвин, забыли. Кстати, читали вы его «Корень жизни»? Если нет — очень советую: прочтите. Непременно прочтите! Такая светлая, мудрая, старческая прозрачность, как вода в роднике. Я недавно прочитал и до нынешнего дня на сердце тепло.

Хорошему слову радуешься ведь, как хорошему человеку.

Всего доброго!

С прив/етом/ М. Шолохов.

P. S. Напрасно вы меня «оказачили». Я никогда казаком не был. Хотя и родился на Дону, но по происхождению «иногородний».

М. Шолохов».

Вступление и публикация Т. М. МАКОГОНОВОЙ.

СЛОВО О ШОЛОХОВЕ

Анатолий АНАНЬЕВ

ПРАВДА И КРАСОТА

Когда я думаю о Шолохове, мне кажется, что он жил давным-давно и книги его — это наша привычная классика, как «Война и мир», как романы Достоевского, и даже не верится, что его нет сегодня с нами, настолько близким и дорогим современником нашим он был.

Это двойственное чувство возникает у меня не случайно. «Лазоревую степь», первые части «Тихого Дона» я читал еще в ранней юности, но сила их воздействия оказалась такова, что я и сейчас отчетливо помню свое тогдашнее потрясение ни на что не похожей яростной реальностью этих произведений, накалом страстей. Думаю, Шолохов оказал огромное и не вполне еще осознанное нашей критикой воздействие на формирование многих нынешних советских прозаиков, да и на сам текущий литературный процесс в целом.

Все мы читаем и перечитываем Шолохова, учимся у него; и каждый по-своему открывает для себя мир великого художника, вместе с нами обновляющийся и развивающийся непрестанно. Я, например, считаю, что никто с такой силой не выразил любовь и крестьянскую тоску по земле, как Шолохов в бессмертном «Тихом Доне». И на путях этого романа впереди у нас еще немало удивительных открытий — открытий его народной основы, народного языка, проявлений народного характера в определенный бурный период российской истории.

Как известно, характер народа не есть нечто раз и навсегда данное, застывшее; он эволюционирует, изменяется или, вернее, проявляется по-разному в разной социальной обстановке. Гений Шолохова запечатлел нам народный характер именно на изломе, в эпоху революции и гражданской войны.

То же самое мы находим во втором эпическом полотне Шолохова — «Поднятой целине», где глобальные проявления народного характера даны уже на новом социально-историческом этапе развития нашего общества. Даны объемно, зримо, мудро. Меня всегда поражал и поражает лаконизм художественной манеры Шолохова, лапидарность его письма. В двух-трех фразах он умеет изобразить подчас целую человеческую судьбу со всеми ее взлетами и падениями, радостями и несчастьями, заблуждениями и конечным прозрением. Вспомним подлинный шедевр подобного рода в «Поднятой целине» — станичные сборы на воинскую службу Разметнова, горькую пыль фронтовых дорог, закурившуюся из-под копыт казачьего коня... Всякий раз, когда я читаю эти строки, мне трудно побороть волнение. А сколько других таких эпизодов, исполненных суровой правды и красоты, встречаем мы на страницах шолоховских книг!

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

...3 и 4 июля 1983 года. Вешенская. Приехали вместе с критиком Валерием Ганичевым, чтобы узнать приговор Шолохова нашим просьбам — написать две статьи.

Встретил с Марией Петровной наирадушно. Здороваясь, глянул — знакомо, мудро и озорно. Глаза по-прежнему с неповторимой ни у кого проницательной лукавинкой. Только вот тело стало немощным, иссохнувшим — чувствовалось, как грызла его мучительная болезнь, и было ему носить ее, неизлечимую, тяжко. Преклонные годы — подступало 79-летие — тоже сказывались.

Но могучий ум не сдался. Поражал цепкой, незамутненной памятью, жадным интересом ко всему, что происходило за стенами дома, точностью и верностью суждений и оценок, прежним своим то и дело непредсказанно вырывающимся образным словом, что часто — остро, с перчиком, поистине необычно...

Утро стало праздником. Он при нас, за чаем, подписал два своих обращения к читателям. Одно — к советским. Второе — к болгарским, что сейчас впервые столь большим, огоньковским тиражом выходит на русском языке.

Полагаю, что интересно хотя бы совсем кратко рассказать, как родилось это предисловие к собранию сочинений на болгарском, которое готовило софийское издательство «Народна култура». Вера Ганчева, директор, безошибочно рассудила: мол, «Художественная литература» дружит с великим мастером, мы дружим с вами, значит, вам можно стать посредниками... Он согласился. Он любил Болгарию. Это совсем нетрудно уловить по статье. Но значимость обращения гения советской и мировой литературы, конечно же, перешагивает границы...

«Слово к советскому читателю» — это вступление к шеститомнику «Родные нивы», что был задуман нашим издательством сразу же после принятия Продовольственной программы. Здесь собрали лучшие произведения за два века о крестьянстве, его судьбах и чаяниях, о великой значимости труда земледельца, о том, как красива, важна и почетна профессия хлебороба для страны и народа в наши дни.

Предисловие стало завещанием. Писатель и в самом деле всем сердцем своим обратился не только к ветеранам колхозного движения, с кем поднимал в трудные 30-е годы колхозную целину. Здесь его мудрые заветы и к тем, кто лишь готовится стать крестьянином, к молодым. Писал: «Им эта библиотека должна напомнить ту народную мудрость, что вошла в собранный Владимиром Далем сборник русских пословиц: «Без хозяина земля круглая сирота». Очень нужны сегодня родной земле молодые руки, руки хозяйские, неленивые, заботливые, которые бы не пожалели себя ради всенародного достатка, ради укрепления мощи нашей страны, ради преображения сельских низ».

Не могу не переписать и самые последние строки. После кончины М. А. Шолохова по-особому щемяще читать их. Он попрощался со своими деревенскими читателями, с кем делил почти 80 лет жизни все — и победные радости, и тяжкие заботы: «В этой библиотеке наша отечественная литература как бы отчитывается перед вами, братьями и сыновьями, сестрами и дочерьми ее героев и героинь, любовное, уважительное и при этом прямое слово о которых она несет миру. Поклон вам низкий, люди земли, люди сельского труда».

Был щедр на общение в эти два дня. Понятное дело, никак не выписать в этих скупых заметках всего того, о чем было говорено.

Многие и многое оставили глубокий след в памяти. Кое-что и кое-кого вспоминал с горечью. Порой о прошлом рассказывал с усмешкой — то едкой, то добродушной.

...Вероятнее всего, что самое последнее для М. А. Шолохова письмо — письмо в наше издательство с датой 9 февраля 1984 года. Вот как свято получилось — даже смертная болезнь не увела от литературы. До самых последних дней думал о своем долге перед читателями.

Шесть всего строк в письме. Пошолоховски, без лишних слов, все они подчинены одному — подготовке предстоящего к его 80-летию собрания сочинений. Помощником нам, издателям, назвал младшую дочь, Марию Михайловну.

Первый том — миллионным по решению Госкомиздата СССР тиражом—вышел к этой самой восьмидесятой шолоховской весне.

В. ОСИПОВ,
директор издательства «Художественная литература»

К БОЛГАРСКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Не буду скрывать — мне не только приятно, но и дорого, что в Болгарии подготовили новое издание моих произведений.

Давно и преданно люблю ваш народ и вашу страну. Сердцем люблю и уважаю, а это значит, что такое чувство трудно выразить пусть даже и очень правильными формулировками.

Ясно одно: болгарский народ, древний и молодой, вписал в многовековую историю не одну славную страницу, связанную с выдающимися ратными, революционными и трудовыми подвигами, сохраняя, несмотря на все тяжкие испытания, самобытность и развивая свойства подлинного патриота и подлинного интернационалиста. Мне хорошо известно никогда не затихающее стремление болгар к поистине братскому сотрудничеству и к содружеству с русским народом и всеми народами нашего Советского Союза. Да, наши народы связывает многовековая дружба. «Братушки!..» — это слово от простых болгарских людей слышали простые русские люди — солдаты, казаки, помогая освобождать вашу страну от турецкого ига.

Мои рассказы и романы, как известно, не о сегодняшнем дне. Но не значит ли это, что те события, о которых мне довелось писать,— безвозвратно далеки и никак не связаны с нашим быстроменяющимся временем? Ведь есть еще охотники разрушить связь времен, забыть о светлых традициях в жизни народов, порушить то доброе, героическое, что накоплено прадедами и отцами, завоевано ими и нами в борьбе за лучшие народные идеалы, за свободу и независимость наших стран, за социализм.

Давайте порассуждаем вместе — прошлое, настоящее и будущее совсем не взаимно исключающие друг друга или обособленные измерения жизни человека и человечества. Только их тесная взаимосвязь ради служения родине, ради осуществления истинных народных чаяний, то есть и ради будущего, делает талантливое литературное произведение актуальным независимо от того, когда оно создано — пятьдесят, сто или, скажем, двести и больше лет назад.

Современный литератор должен понимать это и нести ответственность перед своим народом за каждую свою строчку. Опыт выдающихся писателей—и наших, и всех других стран — доказывает это. Наши коммунистические убеждения подтверждают, что только так и не иначе, должно служить писательское перо народу, времени, передовой идее.

Кстати, таковые убеждения разделяют и молодые писатели, наша смена. Это внушает мне добрую уверенность в надежности традиций. Я слышал это, к примеру, от участников советско-болгарского клуба творческой молодежи. Они уже дважды побыли у меня и даже избрали почетным президентом своего клуба.

Дружба, единство и сплоченность наших народов — важнейший фактор нашей жизни. Потому-то и буду рад, если и для новых поколений зарубежных читателей мои книги будут необходимы, будут полезны, будут приносить радость и удовлетворение от знакомства с моим народом, с моей литературой.

Михаил ШОЛОХОВ,
станица Вешенская,
июнь 1983 года

СЛОВО О ШОЛОХОВЕ

Владимир КАРПОВ

УЧИЛ ЖИТЬ

Я горожанин. Не знал в юности, как пахнет земля, как растет хлеб. Но широкий мир с его полями, теплыми ветрами, льдами, шуршащими весной на реке, соловьиным пением был мне не только известен, но и манил к себе. Знал я об этом прекрасном мире от Шолохова, из его книг.

Грянула война. Мне было девятнадцать, когда впервые оказался в широком поле. Но это было поле брани. Запах земли для меня по сей день не запах пашни, а свежевырытой могилы для боевых товарищей или воронки от снаряда, мины.

Войну я прошел по самым гиблым, адовым местам: в первой траншее, нейтральной полосе, расположении врага — такова зона действий войскового разведчика. Казалось бы, многое повидал сам. Но понять поведение человека на войне, ее смертельно героический смысл мне помогал Михаил Александрович. 23 июня Шолохов послал телеграмму наркому обороны; были в ней и такие слова: «...готов... до последней капли крови защищать социалистическую Родину».

Эти слова выражали тот же смысл, что и присяга воинов Красной Армии. 4 июля 1941 года в «Правде» появился первый очерк Шолохова «На Дону», затем в «Красной звезде» 29 августа — «На Смоленском направлении», потом «Наука ненависти», другие статьи и очерки, которые все мы читали и ждали тогда, несмотря на круговерть тяжелых боев. В мае 1943 года «Красная звезда» начала печатать главы из романа «Они сражались за Родину». Это было все про нас, не только про боевые дела, окопный быт, ранения и смерти, но главное, про душу нашу. И еще про непоколебимую веру в победу.

С маловероятной надеждой остаться живым читал я те главы не только как фронтовик, но и как начинающий, а точнее, мечтающий стать писателем. Мечта эта жила во мне еще с мирных, довоенных дней.

Правильно говорят, жизнь складывается так, что никакие фантазии и мечты не могут ее превзойти. Не только не думал, но даже если бы мне кто-то сказал, не поверил бы, посчитал немыслимым, что через много лет после войны я буду в доме Шолохова, в его кабинете и через застекленную дверь увижу тот самый тихий Дон, который могуче протекает через весь земной шар благодаря великому таланту человека, работавшего в этом кабинете.

Уж, конечно же, не мог я предполагать, что доведется мне бросить скорбную горсть земли в могилу великого нашего соотечественника здесь же, рядом, в саду, недалеко от застекленной двери кабинета...

О Михаиле Александровиче Шолохове написано много. Тем, кто действительно близко знал великого нашего писателя, общался с ним (а на мою долю выпало такое счастье), нелегко было высказываться о Шолохове при его жизни и еще сложнее и ответственнее теперь, когда его не стало.

Вообще прошедшее время както неприменимо к этому удивительному человеку и художнику. Само существование Шолохова на земле служило неким мерилом общественной совести, сдерживало чересчур бойких «мемуаристов», любящих ныне порассуждать на тему «Я и Шолохов». Опасности невольно впасть в подобный тон боюсь больше всего.

С юности книги Шолохова взяли меня в плен на всю жизнь. И, конечно, я не думал, что шолоховский рассказ «Судьба человека» сыграет решающую роль в моей судьбе и что через пятнадцать лет, уже после экранизации «Войны и мира», я вновь вернусь к шолоховским родникам и сниму фильм по его далеко еще не в полной мере оцененному роману «Они сражались за Родину».

С. Бондарчук в роли Андрея Соколова. Фильм «Судьба человека».

достями и печалями. Они же, первые читатели и судьи его книг, смотрели вместе с писателем материал нашего фильма. Естественно, мы при этом страшно волновались.

Материал был еще не смонтированный, сырой, многое нам не нравилось, казалось неудачным. Шолохов, почувствовав наше состояние, встал после просмотра и сказал: «Незаконченную работу обсуждать нельзя. А вот когда будет все снято, собрано, тогда и поговорим». Такое доверие и поддержка окрылили нас лучше всяких похвал.

Меня поразило тогда истовое отношение Шолохова к своему труду. «Хорошо вам,— обронил он как-то с оттенком зависти, наблюдая за работой съемочной группы,— вас много, посоветоваться можно. А я один, все решаю сам, за каждое слово один в ответе...»

Книги Шолохова—всегда открытие. Открытие неисчерпаемости жизни и человека. В том числе и человека на войне. Как кинорежиссер, снимавший «Войну и мир», «Ватерлоо», я перечитал почти все основное, что было написано на эту тему,— свидетельства современников, военные эпизоды в произведениях Гюго, Стендаля, Байрона, Теккерея... Восхищаюсь мастерством этих писателей-баталистов, но без колебаний поставил

**Сергей БОНДАРЧУК,
народный артист СССР**

Свет истины

Часто задумываясь, в чем же все-таки сила и неповторимость писательского таланта Шолохова, почему он неотразимо действует на душу каждого человека, я вспоминаю одну из многих наших встреч с Михаилом Александровичем в Вешенской. Мы приехали к нему тогда в гости со съемочной группой фильма «Они сражались за Родину». Был с нами и Василий Шукшин, сыгравший в картине одну из главных ролей. Шолохов внимательно и нежно приглядывался к нему, расспрашивал о работе и, прощаясь, сказал: «Трудно писать правду, но истину — еще труднее».

Этому высокому стремлению к «чистому золоту» истины наш современный кинематограф учился и будет учиться у Шолохова. Равно как и тем непреходящим поэтическим обобщениям реальной действительности, которых великий писатель добивался, отыскивая по горячим следам конкретную правду своего времени.

На редкость интересный собеседник, до последних дней сохранивший молодость духа и пытливую любознательность ко всему, что происходит в мире, Михаил Александрович очень любил и верил в кино. Он никогда не считал, что экранизация его произведений непременно должна приводить к художественным потерям, напротив, видел здесь новые изобразительные возможности, обогащающие текст.

С доброй заботой и доверием отнесся Михаил Александрович ко мне, начинающему тогда режиссеру, решившему воплотить на экране его литературный шедевр. Больше тревожило писателя, сумею ли я, человек городской, «влезть в шкуру» Андрея Соколова, характера столь дорогого ему, подсмотренного в самой сердцевине жизни народной. Шолохов был исключительно чуток к деталям, не терпел малейшей фальши ни в жизни, ни в искусстве и всеохватывающей зоркостью глаза и сердца обладал необычайной.

Тогда в его московской квартире в Староконюшенном переулке, где мне запомнился бюст Толстого — какой-то очень домашний, неофициальный, какого я нигде не встречал,— Михаил Александрович долго рассматривал мои руки и сказал: «У Соколова руки-то другие...» И в пояснение рассказал о знакомом станичнике, отправившемся однажды делать анализ крови. Но игла шприца всякий раз ломалась о кожу пальцев, трудившихся всю жизнь.

Рассказывая, Шолохов легко, как бы невзначай прикасался ладонью ко лбу, говорил медленно, подбирая слова, часто останавливался в задумчивости, словно заглядывая внутрь себя и боясь неосторожным движением спугнуть что-то важное.

— Обязательно побывай в Вешенской,— сказал он мне,— поживи там подольше, это поможет...

Именно там, среди людей, окружавших Шолохова, я окончательно «влез в шкуру» своего Андрея Соколова. То в одном, то в другом казаке обнаруживал его жест, манеру речи, колоритные черты характера. Люди, о которых писал Шолохов, сидели с ним за одним столом, делились с ним своими ра-

С. Бондарчук и Ю. Никулин во время съемок фильма «Они сражались за Родину» в гостях у Шолоховых.

бы рядом с ними шолоховские «Судьбу человека», «Науку ненависти», «Они сражались за Родину» — явления небывалые, новаторские в мировой литературе.

Снимая фильм на военную тему, невольно стараешься нащупать пути сопряжения правды истории и правды современности. После завершения картины «Они сражались за Родину», осмыслив и продумав каждую строку романа, я с особой ясностью убедился в его новаторской природе, проникся к нему еще большей любовью. Ведь Шолохов обратился к трагическим событиям сорок второго года, года отступления. А каким неистребимым народным жизнелюбием, какой силой духа исполнены герои этого произведения, проходящие через неимоверные испытания и в то же время сохраняющие и юмор, и доброту, и мечту, и святое фронтовое братство!

По совету Михаила Александровича мы снимали фильм «Они сражались за Родину» неподалеку от станицы Клетской, памятной по грозным событиям 1942 года, и, приехав в те места, были поражены абсолютным сходством их описаний в романе и увиденного воочию, с затянувшимися, конечно, за долгие послевоенные десятилетия рубцами и шрамами окопов, траншей в степном разнотравье под жарким солнцем. И чудилось, возникнут сейчас из знойного марева фигуры смертельно усталых бойцов в пропыленных гимнастерках — Лопахина, Звягинцева, Стрельцова, Некрасова, старшины Поприщенко, с которыми мы давно уже сроднились и которым нам теперь предстояло дать вторую жизнь на экране...

Анатолий **ИВАНОВ**

«ОГОНЬ НАД ТИХИМ ДОНОМ»

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПОЭМЫ О М. А. ШОЛОХОВЕ

Многим советским писателям славный Ленинский комсомол оказал решающую поддержку в первых творческих исканиях, помог встать на ноги, способствовал укреплению таланта. Одним из них был и Михаил Александрович Шолохов. Самые первые его произведения — скромные фельетоны «Испытание», «Три», «Ревизор» — были тепло приняты и напечатаны в московской газете «Юношеская правда» (1923—1924 годы), впоследствии переименованной в «Молодой ленинец». Здесь же был опубликован и первый рассказ будущего гения советской литературы, «Родинка», еще через несколько месяцев — повесть «Путь-дороженька»... Затем произведения, составившие легендарный теперь сборник «Донские рассказы», печатались в комсомольско-молодежных изданиях «Смена», «Комсомолия», «Журнале крестьянской молодежи» и др.

Став великим писателем современности, Михаил Александрович с неиссякаемой благодарностью и любовью относился к комсомолу, никогда не обходил своим вниманием комсомольские издания, постоянно оказывал им поддержку и помощь. И когда страна и все прогрессивное человечество готовились отметить 70-летие Михаила Александровича Шолохова, на очередном заседании редколлегии журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» был поставлен вопрос, как и в какой форме будет отмечать юбилей любимого писателя молодежи наше издание. В результате долгих и бурных разговоров возникла смелая идея — попытаться отметить этот всемирный праздник литературы не статьями, не воспоминаниями о встречах с писателем, а публикацией крупного художественного произведения о Михаиле Шолохове.

Долгих колебаний — к кому же обратиться — у нас не было. Михаил Александрович очень любил творчество одного из талантливейших наших поэтов — Владимира Фирсова, часто встречался с ним, к одному из его сборников написал даже взволнованное предисловие. Любовь и уважение Владимира Фирсова к Михаилу Александровичу были, понятно, безграничны, они сочетались с глубочайшим и ясным пониманием огромного исторического значения М. Шолохова в судьбах советской и мировой литературы. К тому же Владимир Фирсов уже имел в своем творческом активе несколько стихотворений, связанных с великим писателем,— «Гагарин в гостях у Шолохова», «Дом, в котором родился Шолохов» и другие.

...Встречаюсь с Владимиром Фирсовым. Предложение буквально ошеломило поэта. После долгого молчания он произнес всего два слова:

— Нет, страшно.

Не помню сейчас, сколько прошло времени до первого телефонного звонка поэта.

— Думаешь о нашем предложении?

— Думаю,— ответил он.— Хотелось бы... но трудновато.

— Ага, трудновато — это уже не трудно...

— Тяжко, ответственность-то какая?! Вряд ли справлюсь...

Было еще много и телефонных разговоров, и встреч, во время которых все мы в редакции воодушевляли, как могли, поэта на эту работу, вселяли в него уверенность в его собственные творческие силы, в его большие поэтические возможности. Поэт продолжал отговариваться, а время шло. И вдруг в какой-то момент отговариваться перестал. Значит, творчество началось, решили мы. И действительно через какое-то время поздно ночью раздался звонок.

— Слушай, а если так вот начать,— без всякого предисловия сказал поэт и начал читать своим глуховатым голосом:

Я славлю рек российских славу,
Величье полноводных рек.
Они озвучены по праву
Твоею славой,
Человек!
Твоею поступью свободной.
Ведь даже Волга велика
Не потому, что многоводна,
Что широка и глубока,
Она красна красой твоею,
Трудом твоим,
Судьбой твоей...
С ней рос Ильич.
И Горький — с нею.
Шаляпин тоже вырос с ней...

После этих строк мне было ясно — поэма о Шолохове пошла, поэма будет! Радости моей не было границ, но я молчал и слушал... А поэт взволнованно говорил стихотворными строками о Неве, которая «века ждала «Аврору» и слово Ленина «ждала», о тех писателях и поэтах, чья жизнь была связана с этой рекой, перешел к Дону, который «с далеких пор был славен народной славой» многих легендарных в нашей истории личностей — и Ермака, и Разина, и Булавина, и Пугачева, и Платова... Затем заговорил о гражданской войне на Дону, когда

...Блистала кованым булатом
Реки студеная струя.
Был страшен Дон.
Храпели кони,
И кровью пенился затон...
Но мир узнал о тихом Доне,
Когда явился «Тихий Дон».
Великий Шолохов явился...

И вот, наконец, последние строчки произведения, повествующие о том, что не только мы, его современники, но и

...Грядущие века
Увидят, как над Доном светит
Настольной лампы в кабинете
Огонь,
Что ярче маяка!
С ним в радости
Или в ненастье
Народ свободно говорит.

Горит огонь
Друзьям на счастье,
На горе недругам горит!

Прочитав эти заключительные строки, поэт спросил:

— Теперь догадываешься, как назову поэму?

— «Огонь»,— уверенно сказал я.

— Так, да не совсем. Помнишь, в прошлый приезд мы вечером бродили по Вешенской и видели освещенное окно в кабинете Михаила Александровича? Он над чем-то работал... Вот это освещенное окно, этот огонь я и видел перед собой все время, пока работал над поэмой.

— Значит, ты назовешь поэму «Огонь в шолоховском окне», что ли? Не звучит, слишком приземленно.

— Зачем в окне? «Огонь над тихим Доном». Это звучит?

— Да, это неплохо.

Итак, поэма была создана. Редколлегия журнала оценила ее очень высоко. Но, зная величайшую скромность Шолохова и его щепетильность во всем, что касалось его личности, необходимо было еще и получить его согласие на публикацию подобного художественного произведения о нем. А сделать это было не так-то просто.

Собрались и поехали в Вешенскую. В поезде мы как-то еще надеялись на успех, а когда на станции Миллерово пересели в автомашину и поехали уже по шолоховским местам, по донской земле, где гремели события, описанные в «Тихом Доне» и других произведениях писателя, надежда эта постепенно таяла и, наконец, осталась где-то на этих 140 километрах асфальтированного шоссе, разделяющих Миллерово и Вешенскую.

Опасения и страхи наши были не напрасны: Михаил Александрович и слушать не хотел ни о какой поэме о нем!

Невозможно описать, сколько было истрачено сил и слов на убеждение в правомерности публикации такой поэмы, на получение его согласия на это. В ответ слышалось одно: нет и нет!

— Ну, хоть ознакомьтесь с поэмой,— взмолился я.— Ведь это поэтический труд многих и многих месяцев.

— Разбойники,— буркнул Шолохов, но поэму разрешил оставить.

Не знаю уж, что случилось, но на другой день Михаил Александрович был нежен и добродушнее, за завтраком много шутил, смеялся, вспоминая многих своих фронтовых и писательских друзей. И, закурив после завтрака свою крепчайшую сигарету, сказал:

— Вижу, ждете приговора...

— Каков бы ни был, поэму печатать будем,— сказал я.— Это право редакции.

— Какой решительный,— жестко проговорил Шолохов.— Да разве можно так захваливать живого человека?

— От души, Михаил Александрович,— ответил Владимир Фирсов.— И, как говорится, в соответствии с правдой.

— А надо в соответствии со скромностью...— И вдруг прокуренные короткие усы его тронула улыбка.— Что же с вами теперь делать?

— Поддержать поэта и журнал.

Свои крепчайшие сигареты из сигарного табака Шолохов палил беспрерывно. Докурив сигарету, он не спеша вынимал горящий окурок из мундштука, бросал его в пепельницу, мундштук клал на стол. Затем медлительно, но сразу же доставал из кармана пиджака сигаретную пачку, извлекал из нее новую сигарету, пачку отправлял в тот же карман, брал со стола мундштук, медленно опускал руку в другой карман, доставал зажигалку и тут же высекал огонь. Вот этот неспешный ритуал перезарядки сигарет в не успевший остыть еще мундштук только и был перерывом в нескончаемом курении, которое, конечно, сказывалось на здоровье. Но покончить с этой привычкой Шолохов, видно, не мог.

Закончив священнодействие с перезарядкой мундштука, Михаил Александрович выдохнул облако табачного дыма и проговорил:

— Ладно уж, пусть все говорят, что вы воспользовались слабостью старика. Поэму, Володенька, надо хорошенько сократить, убрать все славословия в мой адрес. Уточнить кое-какие фактические данные. Такие места я в рукописи пометил. И тогда, что ж...— И он протянул Фирсову его рукопись.

— Михаил Александрович!— воскликнул вдруг поэт.— Черкните вот тут, на уголочке, что ознакомились с рукописью, или... ну... какое-то отношение к поэме выскажите.

— Это еще зачем?— шевельнул бровями Шолохов.

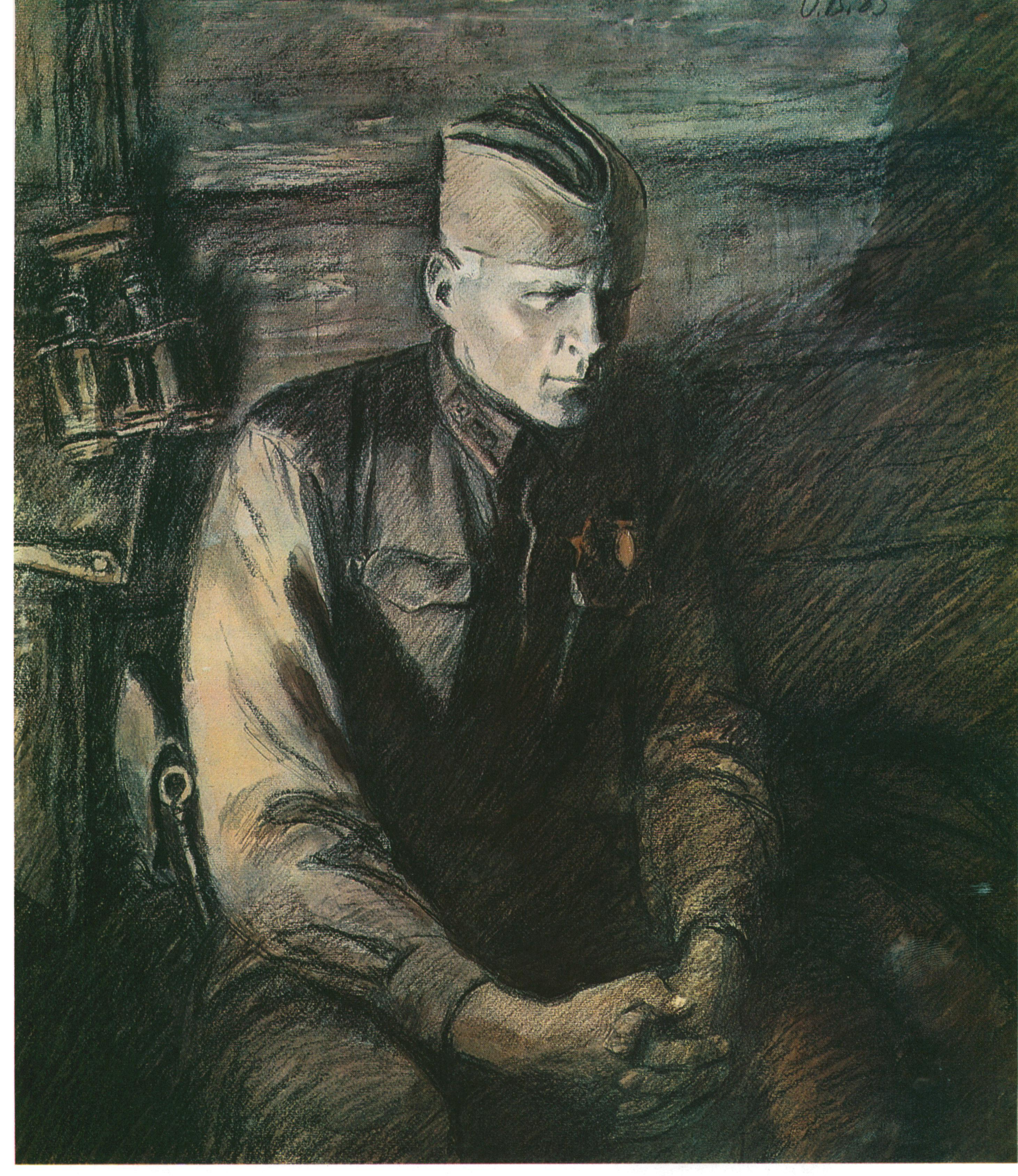
— Для истории,— нашелся поэт.

— Для истории,— усмехнулся Шолохов.— Нет, все-таки вы разбойники.

И, взяв ручку, угловатым своим почерком на уголке рукописи написал: «По исправлению — смирюсь. М. Шолохов».

Рукопись с этой надписью Михаила Александровича поэт хранит как самую дорогую реликвию.

Поэма была опубликована в журнале «Молодая гвардия» в № 5 за 1975 год, потом неоднократно выходила отдельным изданием и в сборниках поэта, получила всеобщее читательское признание. Насколько я знаю, это пока первое и единственное большое художественное полотно о жизни и творческом подвиге величайшего писателя современности.

О. Верейский. Род. 1915. ЛЕЙТЕНАНТ ГЕРАСИМОВ. Иллюстрация к рассказу Шолохова «Наука ненависти». 1985.

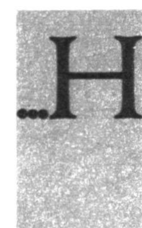

О. Верейский. НЕКРАСОВ И ЛОПАХИН. Иллюстрация к роману М. Шолохова «Они сражались за Родину». 1985.

НАКАНУНЕ «ПОДНЯТОЙ ЦЕЛИНЫ»

Борис ФЕДОРОВ

У автора этого очерка бережно хранится любопытный документ. На бланке Верхне-Донского районного исполнительного комитета Совета рабочих, красноармейских, крестьянских и казачьих депутатов Донецкого округа Северо-Кавказского края, выданном в станице Казанской, написано: «Предъявитель сего Федоров Борис Васильевич работал в Верхне-Донском районе в качестве ликвидатора неграмотности с 4 ноября 1928 года по 8 марта 1929 года». Вспомним, что и М. А. Шолохову довелось быть ликвидатором неграмотности на Дону. Рассказ Б. В. Федорова образно, подробно доносит до нас напряженное дыхание казачьих станиц второй половины двадцатых годов, где ему довелось работать. Росла и крепла тогда на донской земле слава молодого Шолохова.

...Не имея ни педагогического опыта, ни достаточной подготовки и пособий, двинулись мы по степным хуторам распространять грамоту, не осознавая ожидавших нас трудностей. Очевидно, все мы в ту пору, пережив полымя гражданской войны, тифозный бред, опустошенность разрухи, муки бесхлебицы (голодный мор Поволжья докатывался и до нас), таили в разной степени нагульновские черты — прямолинейность миропонимания и обнаженное чувство долга: раз надо, то надо. На любое дело — хоть с голыми руками!..

От пребывания на курсах ликвидаторов в станице Казанской в памяти сохранилось одно знакомство. В том же доме, где я прожил неделю, снимала комнату учительница местной средней школы со своим братом-восьмиклассником. В противоположность оживленной, общительной старшей сестре брат выглядел более уравновешенным и немногословным. По вечерам сидел он, склонившись над номером роман-газеты. Дня за два до моего отъезда школьник предложил мне этот номер, проговорив негромко, но настойчиво:

— Прочитайте, очень интересно...

Я пообещал, если успею, и отложил книгу в сторону, мельком взглянув на еще ничего не говорящий мне заголовок: «Тихий Дон» — Михаил Шолохов». Все же ранними сумерками я без особого интереса открыл первую страницу... Страницу же последнюю с сожалением закрыл далеко за полночь... А следующим вечером под впечатлением прочитанного слушал живой, образный рассказ учительницы, землячки Шолохова, об их участии в работе Вешенского райполитпросвета в начале двадцатых годов. Фамилия учительницы и ее брата — Лиховидовы. Такую же фамилию годы спустя встречал я в последующих книгах «Тихого Дона».

В канун одиннадцатой годовщины Октября прибыл я к месту назначения — хутор Поздняковский, насчитывавший свыше двухсот дворов. И то, что добрая половина населяющих его носила фамилию Поздняковы, свидетельствовало об их происхождении от предка-хуторянина, обосновавшегося когда-то в этих краях. У молодой казачьей пары (тоже Поздняковых) я и нашел первоначальный приют. У них же квартировал и молодой учитель родом из Белоруссии. Невысокий, плотный, немногословный, но улыбчивый, он и ласковую кличку приобрел — «Хомячок». Без прозвищ же казаки не обходятся. Клички в ходу не только индивидуальные, но и коллективные — станичные. В «Тихом Доне» Шолохов упоминает: «Станицы имели каждая свое прозвище» — и приводит некоторые из них. Обитатели Поздняковского и прилегающих хуторов, отдаленные от Дона, занимающиеся в основном хлебопашеством, именовались «Лапша», казанские же — рыболовы и охотники — «Чапура» (цапля).

С учителем провели мы в школе праздничный Октябрьский вечер. Я намеревался приступить уже к организации ликпункта, когда получил из Казанской предписание перебраться в соседний хутор Верхняковский. Он был втрое больше. Ликвидацией неграмотности в нем должен был заниматься бывший учитель, местный уроженец.

Взвалив на хозяйскую бричку ивовую корзинку, заменявшую мне чемодан, отбываю в Верхняковский. Разыскивая предшественника, забрел в контору потребительского общества. Он разговаривал с кем-то из членов правления, небрежно откинувшись на спинку стула. На мое приветствие не ответил, молча смерив меня взглядом. И не попрощавшись, вышел. Облик «бывшего учителя» не очень располагал к себе. Взгляд темных глаз, почти лишенных белков, таил холодноватую безразличность с оттенком жестокости, смуглое малоподвижное лицо изрыто оспинами... Этим и окончилась формальность, именуемая «сдача-прием». Больше я его не видел, но услыхать о нем пришлось от местного уроженца Шуры Боякова:

— Он ведь не только бывший учитель, но и бывший белый офицер. К тому же участник казни отряда Подтелкова и Кривошлыкова,— Шура помедлил,— а ведь среди расстрелянных был и его двоюродный брат, уроженец нашего хутора. Сам же он сказал своей тетке, матери погибшего: «Я-то видал, как наши умирали...» Когда же участники этой казни предстали после гражданской войны перед ревтрибуналом в Ростове, оказался и он среди них. Свидетелями вызвали мать и родного брата казненного. Но мать на суде не подтвердила слышанного от племянника. Тогда поднялся сын и, призывая мать сказать правду, чуть ли не рубаху рвал на себе, обещая, если она этого не сделает, отречься от нее, раз она такого гада жалеет... Племянник же всячески изворачивался, доказывая, что в тот день он не находился в хуторе Пономаревом... Так и отделался лишь несколькими годами заключения. Когда же соседки, с которыми мать делилась слышанным от него, спросили: «Почему ты отказалась от своих же слов на суде?» — ответила: «Сестру пожалела. Моего уже не поднимешь, ее же в могилу загонишь...» Видно, в райполитпросвете поздновато раскусили «учителя»...

Годы спустя, открыв первую книгу «Поднятой целины» и прочитав в главе третьей слова есаула Половцева: «...Мой станичник донес, что я участвовал в казни Подтелкова... Как-то отвертелся, стал учительствовать»,— я поразился сходству биографий.

Времени у меня недоставало. Кроме занятий ликбезом и в конторе сельпо, приходилось совершать подворные обходы, агитируя за хлебосдачу и оформляя «сохранные расписки» на невывезенный хлеб, собирать кооперативные взносы и вербовать новых членов-пайщиков. В дни же составления годового отчета по окончании уроков помогал бухгалтеру и вечерами. Сидишь, склонившись над разнообразными бланками учета, поскрипывает в руке перо, да слегка жужжит перегревшаяся лампа... Порой с треском распахнется дверь, впустив посетителя, окутанного морозным паром. Оформив свои дела, посетители не торопились покидать контору. За барьером, отделявшим бухгалтерию от приемной, слышны приглушенные голоса. Это, присев по-походному на корточки и пустив по кругу кисет с самосадом, коротают вечер казаки-пайщики, обмениваясь впечатлениями прожитого дня. Иногда после очередного скрипа двери раздавалось во всеуслышание:

— И кудай-то нынче гуси с утра полетели?

— Туда, где шляпы делают соломенные! — не задерживается с ответом вошедший.

Раздается сдержанный смешок. Всем понятна мгновенная словесная дуэль между хуторянами с прозвищами «Гусь» и «Шляпа».

Ближе к полуночи контора пустеет. Скрипнувшая дверь пропускает только ночного сторожа сельпо, старика Колычева, заглянувшего на огонек погреться. Распахнув заиндевевший тулуп, он, покряхтывая, опускается на табурет, ставит берданку между коленей и очищает от сосулек усы и бороду. Затем, звучно высморкавшись, неторопливо делится слышанным и припоминаемым. Из пяти его сыновей четверо погибли в минувшие войны. Один из них расстрелян вместе с Подтелковым.

— Хорош гармонист был Тимоха,— вспоминает старик и надолго замолкает,— а ведь когда их казнили, то нас, родню, выстроили на площади хуторянам на позор. Тето, значит, идут мимо, а кое-кто нагнется, зачерпнет песочку да в глаза норовит нам кинуть, в глаза...— Дед снова надолго замолкает и, вздохнув, заключает: — А теперь, говорят, про наших-то, казненных, в газетах пишут...

Трудно передать то чувство благодарности, каким полнились казачьи сердца к автору «Тихого Дона», сделавшему первые шаги в защиту их доброго имени. Популярность номеров роман-газеты с главами из «Тихого Дона» была необычайна. Зачитывались группами и в одиночку. Заглянешь в лавку, пустующую обычно в разгар полевых работ, а ученик продавца, притулившись у прилавка, неотрывно водит взглядом по страницам. Интерес к «Тихому Дону» помогал и мне, делая для моих учеников вполне конкретной цель освоения грамоты — чтобы поскорей самому, хотя бы по складам, прочесть увлекательную книгу. В ожидании запаздывающих учащихся, наиболее занятых по хозяйству, стараюсь уже пришедших развлечь беседой о материалах, опубликованных в газетах, журналах... С интересом наблюдаю, как мои собеседники единодушно «сворачивают» суждения к «Тихому Дону». О его героях толкуют как о близких людях, то одобряя, то порицая их поступки, то с озорной улыбкой припоминая, как Дарья свекра в мякиннике «проучила». Выходившие на серой газетной бумаге, размером со страницу многотиражки — номера роман-газеты той поры в представлении неискушенного хуторского читателя ассоциировались с обычной газетой. Один мой шестнадцатилетний слушатель убежденно заявил: «Самая интересная газета — роман-газета «Тихий Дон».

Шла тревожная весна 1929 года — преддверие сплошной коллективизации. Не сникало сопротивление зажиточной прослойки хлебозаготовкам. На хуторских собраниях предпринимались к таким более жесткие меры. Председатель собрания Яков Гуревнин звонко выкрикивал со сцены:

— Кто за то, чтобы (такому-то) за невыполнение хлебопоставок объявить бойкот?..

В тягостном молчании медленно, тяжеловесно вздеваются руки, потому что «бойкот» — это не так-то просто. Это лишение наказуемого права приобретать в кооперативной лавке все товары (даже спички) и права рассчитывать на какую-либо помощь общества...

В мае закончилась и работа моя. Снова я в семье первых здешних моих знакомых — Поздняковых. Завтра отвезет меня Поздняков в родные воронежские края. Но осенью я еще вернусь на Донщину, правда, в соседний Маньково-Калитвенский район, где пятнадцать лет назад призывался на военную службу Григорий Мелехов. Буду налаживать учет в отделении райпо хутора Сетракова, где до революции донские казаки проходили учебные сборы (о чем также повествуется в «Тихом Доне»), весною же 1930 года вблизи хутора отведено под новый зерносовхоз свыше десяти тысяч десятин целинной степи, принадлежавшей когда-то ростовскому купцу Артамонову...

Но все это будет потом.

Тбилисская находка

Юрий НЕМИРОВ

Н. Санишвили (с л е в а), М. Шолохов, Н. Шенгелая.

Лет пятнадцать назад грузинские киноведы Кора Церетели и Ольга Табукашвили в архиве кинорежиссера Николая Шенгелая обнаружили неосуществленный сценарий фильма «Поднятая целина». Появились публикации в тбилисских газетах, в изданиях научного характера. Несколько папок с надписью «М. Шолохов, Н. Шенгелая. «Поднятая целина» было сдано на хранение в отдел редких книг и рукописей республиканской научной библиотеки имени Карла Маркса. И так уж, к сожалению, случилось, что не был задан и потому, естественно, не решен первостепенной важности вопрос: не рукой ли Шолохова исписаны эти страницы, покоящиеся в архиве грузинского киномастера уже полсотни лет? Не ждет ли нас встреча с неизвестной рукописью великого писателя?

ТБИЛИСИ, 1984 ГОД

Приехав в один из заснеженных февральских дней в Тбилиси, я сразу же позвонил народному артисту Грузинской ССР Эльдару Шенгелая — одному из сыновей создателя знаменитых кинолент «Элисо» и «Двадцать шесть комиссаров». По просьбе Эльдара Николаевича меня допустили в святая святых библиотеки имени Карла Маркса в отдел раритетов, но его заведующая Ферида Квачантирадзе сразу же охладила мой исследовательский пыл:

— Боюсь, что вы напрасно побеспокоились. Если бы здесь были автографы Шолохова, мы бы об этом знали...

Не очень после этого надеясь на удачу, я принялся за чтение литературного сценария, написанного М. Шолоховым и Н. Шенгелая в станице Вешенской осенью 1933 года. Потом начал разбираться в рукописи и понял, что над ней трудились по крайней мере двое — почерки разные. Одним из них мог быть Михаил Александрович... А кто же второй? Шенгелая?

Этот вопрос я задал кандидату искусствоведения Коре Давидовне Церетели, и она ответила:

— Нет, это не рука Николая Михайловича, хотя такой вариант и напрашивается прежде всего. Часть киносценария под диктовку Шолохова записана Николаем Санишвили. Он был сорежиссером Шенгелая. Вот его адрес: улица Палиашвили...

В тот же день вечером я побывал у народного артиста Грузинской ССР Николая Константиновича Санишвили, принимавшего участие в создании таких известных фильмов, как «Георгий Саакадзе», «Давид Гурамишвили», «Весна в Сакене», «Прерванная песня». Разговор наш был долгим и для меня захватывающе интересным. Он продолжался и в первые майские дни, когда мне снова довелось побывать в столице Грузии...

Снова и снова обращался 80-летний режиссер к своей на удивление крепкой памяти, чтобы ответить на мои многочисленные вопросы.

— Я начинал как актер,— говорил Николай Константинович.— Могу назвать несколько фильмов моей молодости: «Тайна маяка», «Абрек Заур», «Земля жаждет»... Помню, Мария Петровна, жена Михаила Александровича, долго не могла привыкнуть к моей настоящей фамилии. Она знала артиста Николая Санова...

Шенгелая вызвал меня и оператора Антона Поликевича в Вешенскую официальной телеграммой руководству Госкинопрома Грузии. Но была ведь еще и коротенькая телеграмма, адресованная лично мне: «Коля, забери с собой бочонок вина». А я бы и сам, поверьте, догадался это сделать: грузин я или не грузин?!

Санишвили смеется, запрокинув седую голову.

ВЕШЕНСКАЯ, 1933 ГОД

— А теперь,— говорит он,— я хочу рассказать о самом серьезном да и, пожалуй, самом интересном. О том, как роман на моих глазах превращался в киносценарий...

Поймите Шенгелая: он в воображении уже видел будущий фильм. Мало того, он и Шолохову его не раз «прокрутил». Еще в ту их первую встречу в Москве, когда писатель принял предложение Николая экранизировать «Поднятую целину»...

Но одно дело — воображение художника, а другое — сокращать главы романа. Слишком велика была опасность необратимых утрат, которые не могли не сказаться на картине в целом. Поэтому Шенгелая сделал черновое объединение глав, а за интерпретацию каждого куска брался сам Шолохов. Таким образом, главы в 15—20 страниц сводились к 3—4 страницам. Рождались сценарные куски, сохранившие самое главное — революционный пафос романа, его неповторимый донской колорит.

Скажу больше, это были уже не фрагменты известного всем произведения, а художественный пересказ, в котором появлялась и новая, отличная от книги сценарная драматургия, и акценты зачастую были иные.

Вы знаете, что нас больше всего удивляло? Несколько экземпляров «Поднятой целины» всегда лежало на столе, мы без них обходиться не могли, а Шолохов никогда книгу даже не открывал: настолько прекрасная у него была память. По памяти и писал сюжеты для фильма. Часто бывало так — утром, когда мы приходили к нему завтракать, Михаил Александрович вдруг рассказывал новые варианты проделанной накануне работы. Видимо, за ночь вдумывался, видел новые решения, и затем вместе с Шенгелая они отбирали лучший вариант.

Однажды Шолохов сказал нам: «Хватит, ребята, сидеть в Вешках, пора в дорогу». Пришел шофер Устиньич, и Михаил Александрович вместе с ним разработал маршрут поездки по донским хуторам и станицам. Тогда Антон Иосифович Поликевич отснял массу пейзажей. Это была зимняя натура, которая должна была нам вскоре понадобиться: вы, конечно, помните, что начинается первая книга «Поднятой целины» в январе...

И еще один важный момент нашей работы на Верхнем Дону: по рекомендации Шолохова Поликевич сделал несколько десятков фотопортретов людей, которые по внешнему облику напоминали героев романа. Помнится, человек пятнадцать мы отобрали для участия в съемках. Они и сейчас стоят у меня перед глазами — эти казаки, так похожие на Майданникова, Нагульнова, Любишкина... Были найдены очень удачные типажи деда Щукаря, кулака Дамаскова по кличке Рваный, Лушки Нагульновой...

Словом, работалось нам чудесно, и подружились мы с писателем крепко. А позднее, когда руководители кинематографии спрашивали Шолохова, почему он так расположен к грузинам, Михаил Александрович вполне серьезно отвечал: благодаря схожести темпераментов грузин скорее поймет казака, чем кто-нибудь другой. Писатель очень хотел, чтобы Лушку сыграла звезда нашего кино Нато Вачнадзе...

ТБИЛИСИ, 1984 ГОД

Вместе с первым секретарем Союза кинематографистов Грузии Эльдаром Николаевичем Шенгелая я вновь вхожу в тесные таинственные «владения» Фериды Шалвовны Квачантирадзе. И снова у нас в руках папка, одна, вторая, третья... Машинописная копия режиссерского сценария с подробнейшей раскадровкой. А вот и литературный сценарий в рукописи!

Да, это шолоховский почерк. Читаю и перечитываю страницы, написанные его рукой (их сорок девять!), и просматриваю те, которые, как говорил Санишвили, надиктовал ему писатель той поздней осенью 1933 года. Рядом для сравнения лежит ксерокопия двух страниц рукописи романа «Поднятая целина», любовно и тщательно сберегаемых в семье Михаила Михайловича Шолохова — сына писателя. Пройдет несколько дней, и уже в Ростове будет получено официальное заключение эксперта-почерковеда: «При оценке результатов сравнительного исследования установлено, что совпадающие признаки устойчивы, существенны и составляют индивидуальную совокупность, достаточную для вывода о том, что рукописный текст фотокопии сценария «Поднятая целина» выполнен М. А. Шолоховым. Отмеченные различия несущественны, на сделанный вывод не влияют и могут быть объяснены большим разрывом во времени выполнения исследуемых текстов». Подписано: О. Попова, старший научный сотрудник Центральной Северо-Кавказской научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы.

Фотографии казаков и казачек, сделанные Антоном Поликевичем в Вешенской и окрестных хуторах, тоже хранятся в отделе редких книг и рукописей республиканской библиотеки. Они наклеены на листах двух альбомов. За каждым таким портретом, созданным по подсказке самого Михаила Александровича,— типаж задуманного фильма.

ВЕШЕНСКАЯ, 1984 ГОД

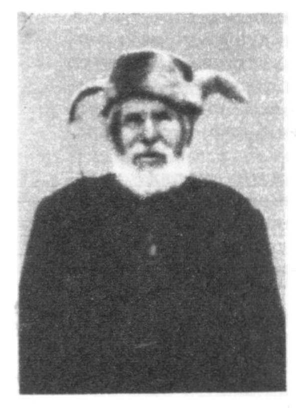
Снова и снова всматриваюсь в снимки, сделанные тогда, в ноябре — декабре 1933 года, в киноэкспедиции Шенгелая, Санишвили и Поликевича на Верхнем Дону. Они оставили для нас удивительные документы!..

На одной из фотографий мы видим Шолохова, а рядом с ним Шенгелая и Санишвили. Снимались, очевидно, в доме писателя. Атмосфера дружелюбия, доброжелательности здесь безраздельна!

Под настроение они умели повеселиться. Вот дружеский фотошарж Поликевича на тему «Режиссер просит автора «Поднятой целины» поскорей писать сценарий». Впрочем, какое уж там просит! Гусиное перо и якобы старинный рукописный свиток у Михаила Александровича, наган и шашка в руках «свирепого горца» — Николая Михайловича... Вся эта бутафория могла пригодиться и для нешуточного действа — оружие как-никак!..

Типаж С. Давыдова.

Т. И. Воробьев.

И еще одна фотография: на крыльце дома, видимо, в Вешенской, стоят Шолохов и Санишвили, а Шенгелая в светлой кепке и в грузинских сапогах, плохо согревавших ему ноги, полулежит на заснеженном порожке.

...С фотографиями из тбилисских альбомов удалось мне побывать на хуторах Калининском, Кружилинском, Лебяжьем, Антиповском, Дубровском. И везде, встречаясь со старыми людьми, задавал я один и тот же вопрос: «Не знаете ли кого?..» Люди вглядывались, каждый из них, как правило, рассказывал свою очень интересную историю, а подчас и легенду, связанную с писателем-земляком, и смущенно пожимал плечами: «Что-то не могу угадать...»

И кто бы подумал, что в самой Вешенской, а не на дальнем хуторе ждет меня ответ на ту загадку, которую я давно, еще в Тбилиси, сам себе задавал: кто же этот старик в малахае, смотрящий в объектив аппарата с какой-то притаившейся хитринкой, с мудрым юмором?.. Не тот ли дед, с которого мог писать Шолохов Щукаря?

— ...Он и есть,— сказал ветеран Вешенского народного драматического театра Константин Гаврилович Зотьев, игравший на станичной сцене Щукаря, Мелехова-отца.— Это Тимофей Иванович Воробьев. У нас ведь многие в Вешках уверены, что он немало послужил Михаилу Александровичу при написании образа Щукаря. И в литературе про то упоминается...

Да, это так. В конце 40-х годов в вешенской районной газете «Большевистский Дон» опубликована беседа с Воробьевым (это было незадолго до его смерти). Тимофей Иванович рассказывал:

«— Я прожил более чем много лет. Молодость мою сожрал проклятый старый режим.

Тяжеленько было до Советской власти, а я все же не унывал. Мою жизнь всегда украшало шутейное слово. И когда уже посеребрилась моя борода, приключилась со мной, скажу вам, еще одна история... А виноват в этой истории Михаил Александрович Шолохов: вывел он в своей книге деда Щукаря. И получилось еще так, скажу вам, что вроде я чисто вылитый Щукарь, кубыть с меня списан. Я ить сроду не был Щукарем. Это теперь меня многие так зовут, а все потому, что Михаил Александрович умело подметил где-то такого старичка, дюже схожего со мною. Я пробовал открещиваться: «Какой я вам Щукарь?» А мне отвечают: «Такого шутника более нет, поди, на Дону. Ты, Иваныч, самый щукаристый».

Вот таким манером я угодил в герои книги... Так что путаницы никакой не может быть: я не создал Щукаря, а Щукарь прилип ко мне. Даже старуха моя и та в нужную ей пору кличет меня Щукарем...»

Такую манеру разговора не придумаешь. Действительно, Щукарь и есть. Но как умно и тонко разграничивает здесь дед себя и литературный образ!..

Теперь еще раз послушаем Константина Гавриловича Зотьева:

— Фотографию деда Тимофея я вижу впервые. Говорите, снимок 1933 года? Понятно... Приведись мне опять играть этого замечательного деда, точно так загримируюсь и оденусь...

— Тимофей Иванович был необычайно веселым человеком,— добавляет учительница школы-интерната Тамара Петровна Попова. Лучшей ее ролью в Вешенском театре была Лушка Нагульнова.— Я родом с хутора Поповка, так и до нас доходили воробьевские чудачества.

Как видим, добрую память оставил о себе человек. Но все-таки кто же расскажет мне о Воробьеве подробнее?

Такого человека порекомендовали в Шолоховском райкоме партии. Это ветеран колхозного движения на Верхнем Дону Иван Иванович Пятиков.

— Прекрасно помню Тимофея Ивановича,— начал он свой рассказ.— Я работал бригадиром на хуторе Волоховском, а он у меня в бригаде... С Волоховского мы возили дрова продавать в Вешенскую. И так случилось, что один раз Анастасия Даниловна купила дрова у деда Воробьева, другой, и понравились они ей... Стал Тимофей Иванович постоянным поставщиком дровишек для Шолоховых. Ну, а там и его знакомство с Михаилом Александровичем получилось. По душе пришелся он Шолохову. Сколько у них обо всем было переговорено!.. И вот случай был — прямо в духе Щукаря. Возвращается дед из Вешек и говорит мне: «Ваня, Анастасия Даниловна просила еще дровец привезти. А Михаил Александрович сказал, чтобы и ты всенепременно со мной прибыл».

Что ж, от такого приглашения не отказываются. Стали мы сани загружать. Тимофей Иванович оступился — и подошву сапога как срезало. А была распутица, валенки не наденешь, что ты будешь делать, скажи, пожалуйста?.. Так, в порватом сапоге, он и поехал. Только старик всю дорогу меня донимал: «Ваня, как я покажусь Михаилу Александровичу, стыдобушка же?..»

Приехали, дрова выгрузили, я к Шолохову в дом зашел, он говорит: «Спасибо, Иван Иванович, что быков даешь нам дровишки возить. Зима-то нынче, сам видишь, какая долгая...» И спохватился: «А где дед Тимофей?» Я про сапог сказал. Михаил Александрович во двор вышел, нас за стол усадил... А потом говорит: «Иван Иванович, ты, как домой в Волоховский приедешь, пошли письмо в Ростов директору обувной фабрики. Расскажи про беду с нашим дедом и попроси новые сапоги для него. Думаю, не откажет директор...» А сам в усы улыбается — и хитро так, весело...

И что вы думаете? Прошло недели три, и почтальон принес Воробьеву посылку, а в ней чудесные хромовые сапоги!.. Думаю, что вслед за моим письмом и Михаил Александрович написал на фабрику, а кто ж мог отказать ему — народному писателю?..

Ну, а в жизни Тимофея Ивановича всякое бывало. Сын его на войне погиб... Знаю, что внучка у деда осталась. А он оптимизма никогда не терял, как и доброты к людям. Так и обращался: «Хороший ты мой...» Последний раз, наверное, виделся он с Шолоховым осенью 1948 года, когда от имени земляков приветствовал Михаила Александровича в честь 25-летия его творческой деятельности. Никто не мог это сделать лучше, чем наш всеобщий любимец — «Щукарь».

Ростов-на-Дону.

СЛОВО О ШОЛОХОВЕ

Петр ПРОСКУРИН

ОСЛЕПИТЕЛЬНОЕ БЕССТРАШИЕ

...Одно из ярчайших проявлений самобытности и глубины народного характера дал в своем творчестве Михаил Александрович Шолохов, художник эпический, художник предельной силы страстей. И то, что жизнь русского народа выдвинула из своих глубин писателя такого масштаба, как Шолохов, само по себе знаменательно...

Приход вслед за Толстым, Достоевским нового эпического художника несет на себе печать благословения, печать неисчерпаемой и неукротимой народной души, в которой революция пробудила — не могла не пробудить — новые силы. Есть несколько признаков всенародного значения художника, не зависящих от скоропреходящих, временных факторов. Это, во-первых, возведение в имя, всенародное награждение именем, и такое право принадлежит только народу, и никому больше. Во-вторых, у всякого действительно крупного художника герои со страниц произведений идут в народ, становятся необходимыми ему, они помогают не только богаче и полнее жить, но и с достоинством, когда пробьет час, умереть. И трагические образы Михаила Шолохова достойно встали в ряд наивысших классических достижений.

Как они сотканы, как рождены, эти шолоховские образы? Порой к ним хочется притронуться — настолько они осязаемы и теплы, но в этом ли дело? Тайна скрыта в творении художника, одним из непременных свойств которого является бесстрашие во всем, что касается правды жизни. Находясь в мире героев Шолохова, все время ощущаешь, что ты находишься именно в реальном мире, что вокруг тебя живые люди, с любым единственно верным движением души, порывом, поступком, и порой становится даже неловко оттого, что они и не подозревают о твоем присутствии и пристальном внимании к ним. И внимание это вовсе не от тебя зависит, ты бы и хотел бросить «подглядывать», да не можешь, тебя ведет властная рука глубокого художника.

Своим романом «Тихий Дон» Шолохов сразу как бы утвердил безграничность возможностей реализма на новом социальном этапе. И это тем более показательно, если вспомнить, в какое время зачиналось и складывалось неповторимое шолоховское полотно, если вспомнить, сколько самых невероятных литературных течений, школ, групп появилось в период невиданной социальной ломки...

Именно Михаилу Шолохову выпала завидная и трудная участь как бы продлить и тем самым закрепить своим «Тихим Доном» самое национальное в русской литературе — ее эпический момент и взлет. И многие, многие поколения современных наших русских (да и не только русских!) писателей обязаны Шолохову, и прежде всего «Тихому Дону», стремлением к широте, к нестандартности, к смелости. В зыбком тумане всепоглощающего времени такие вершины редки, и все же они есть, а значит, есть и ориентиры, выстраданные человечеством тысячелетиями борьбы, значит, есть и возможность дальнейшего движения.

СЛОВО О ШОЛОХОВЕ

Сергей САРТАКОВ

ВЕРА РОЖДАЕТ ЛЮБОВЬ

Сколько живешь, не перестаешь изумляться магии слов.

...Тихий Дон... Эти два слова простым и в то же время таким необычным сочетанием, случайно услышанным в чужом разговоре, открыли для меня — еще не писателя, а читателя — Шолохова, покорили своей завораживающей силой. Я безотчетно повторял их про себя, как напевают тихонько полюбившуюся мелодию. Потом вдруг начало звучать в моем сознании ударами набатного колокола: «Дон!», «дон!», «дон!» — рождая ощущение тревоги, и камышовый шелест слова «тихий» тоже теперь беспокоил душу. Покоя и согласия между этими словами уже не было, они боролись, вступали в непримиримое противоречие друг с другом... Одно лишь название книги будило столько неожиданных чувств!

Я думаю сейчас не о громадном содержании шолоховских произведений и даже не об их поразительном языке, а о том, как они читаются, когда обыкновенные, будничные слова, выстроясь в ряд, непостижимо оборачиваются многоцветными зрительными образами и тишину твоей комнаты заполняют поначалу далекие, а потом все настойчивее подступающие к тебе голоса. И вот ты сам уже становишься участником описанных событий, идешь путями-дорогами Григория с Аксиньей, верных своей неутоленной и горькой любви, коммунистов Давыдова и Нагульнова, борющихся и погибающих во имя бессмертной правоты своего дела, деда Щукаря, брызжущего хитроватым и теплым мужицким юмором... И солдата Андрея Соколова, пронесшего сквозь ад фашистских концлагерей несгибаемую гордость советского патриота.

Правда жизни и истории, основа основ творчества М. А. Шолохова, порой очень нелегка для эмоционального восприятия, потому что все это по мере прочтения становится твоим, глубоко личным. И ты споришь с собственным сердцем, восстающим против неумолимой логики судьбы. Я не хочу, чтобы гибла Аксинья, безвинно срезанная продотрядовской пулей; не хочу, чтобы злой рок кидал Григория то к красным, то к белым; не хочу, чтобы конец романа был обостренно трагедийным. Не хочу, но понимаю — иначе невозможно и благодарен в итоге художнику за эту суровую правду.

Приобщившись к литературному труду, я перестал быть только читателем и наряду с этим превратился в дотошного исследователя того, как «сделана» лежащая передо мной книга. Есть, однако, книги, не поддающиеся холодному профессиональному анализу, и среди них — книги Шолохова, которые невозможно вскрывать скальпелем, пытаясь обнаружить расположение питающих живую плоть кровеносных сосудов. Им просто веришь. И кажется, они и не написаны вовсе, а созданы. Таинственной силой, неведомо как.

Вера рождает любовь. И любить — всегда значит и верить. Так я отношусь к Михаилу Александровичу Шолохову, человеку, мыслителю, художнику. Эта вера и любовь, особенно теперь, когда его больше нет с нами, естественно и желанно сказываются на моем видении мира, на моем понимании общественной роли писателя. Все мы, работающие в литературе, вольно или невольно выверяем себя Шолоховым.

Десять дн
с Шолохо

Лео КОШУТ

втор этих заметок — известный писатель и публицист ГДР, директор издательства «Фольк унд вельт» («Народ и мир»), выпускающего в переводе на немецкий язык книги зарубежных авторов. В 1964 году, когда Михаил Александрович Шолохов был гостем правительства Германской Демократической Республики, Кошут сопровождал его в поездке по стране, записывал выступления писателя, присутствовал на встречах Шолохова с рабочими и членами сельхозкооперативов, корабелами и шахтерами, писателями и деятелями культуры. Так родились записи, часть которых предлагается вниманию читателей.

В течение десяти дней повсюду в ГДР его сердечно приветствовали как друга, как давнего знакомого. Он отвечал: «Я отношу это не к моим заслугам, а к дружбе, связывающей наши народы».

Михаил Шолохов, по его словам, увидел очень многое — «от коровника в Шуленберге до красочных витражей в Эрфуртском соборе, от кооператива имени Шолохова до Дрезденской галереи». Он разговаривал с писателями и горняками «Висмута», с членами сельхозкооперативов и трудящимися Варновской верфи. Всюду ему задавали вопросы, повсюду блистали его острые ответы. «Тайны мастерства писателя» он признавал только в шутку: «Если я вам расскажу об этих тайнах, вы начнете сами романы писать и отобьете хлеб у моего друга Коха и у меня».

На вечере встречи с дрезденскими писателями и деятелями культуры он все же очень серьезно остановился на вопросе, каким образом писатель может предугадать развитие человека. В качестве примера называлась «Поднятая целина».

ПИШИТЕ О СЕГОДНЯШНЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

МИХАИЛ ШОЛОХОВ: «Действие начинается в январе, кончается в октябре, всего десять месяцев. Я писал по живым событиям, по живым фактам. Я не был так самонадеян, чтобы думать о том, что книга, например, могла бы помочь ГДР. Об этом речи нет. Что значит предвидеть развитие? Надо просто знать человека. Зачем вам писать о председателе сельхозкооператива, если вы работаете на сталелитейном заводе? Пишите о своих товарищах по работе. Там есть конфликты, любовь...

...В Швеции ко мне обратился молодой писатель. Он хотел бы написать о том, как в Швеции появятся колхозы. Я сказал, что плохо представляю себе это. Он моложе, возможно, у него больше фантазии. Но для чего ему писать о том, что в любом случае не скоро осуществится? К чему перенапрягать собственную фантазию, когда есть такие факты: я был приглашен к одному шведскому крупному землевладельцу, полдня провел у него. У него прогрессивное хозяйство, он использует все достижения современной аграрной техники. Он интенсивно обрабатывает что-то около 400 гектаров земли, это отличный хозяин. Но интересно было и кое-что другое. Рядом с этим хозяйством на 12 гектарах работает его бывший батрак, старик. Он копил несколько десятилетий, чтобы купить эти 12 га, и очень поздно встал на собственные ноги. От землевладельца поехал я к этому бедному старику. Момент был неподходящий, за несколько дней перед этим умерла его жена. Под впечатлением горя он больше разговаривал с Марией Петровной, моей женой, чем со мной. Показал мне фотографии. Было воскресенье, он был одет в старомодный темный грубоканый костюм. Держался он мужественно, только украдкой утирал слезы.

Но вот где целый роман! Из его сыновей один стал почтальоном, другой работает на фабрике. Дочери его замужем. После смерти жены он остался один. Девять коров он должен кормить, поить, чистить. Он получил землю уже в старости, и сама жизнь изгоняет его с этой земли. Он пустил в землю корни, как старый дуб. Я сказал, один ты не справишься. Он — нет, справлюсь. Но в душе он понимал, очевидно, что ему это не удастся.— Для чего же молодой автор должен писать утопии, когда страдание лежит у него под ногами? Наклонись, подними это, люди будут читать, плакать...

Пишите о сегодняшних людях, которых вы знаете. Наверняка есть в Дрездене тот, кто может художественно отобразить мучительный путь создания сельхозкооператива. Первая совместная обработка земли закономерно ведет к созданию товарищества, кооператива. Разве не интересно, если из десяти членов кооператива лишь один коммунист? Интересно проследить, как он влияет на других и как другие влияют на него. Очень интересная, отличная тема для повести или романа. Это, конечно, никакой не рецепт. Я бы не хотел вставать в позу человека, который хочет кого-то поучать. Если бы я был саксонцем и жил здесь, я бы это проследил».

Разговору в Дрездене предшествовало первое посещение сельхозкооператива. Еще до прибытия в Берлин Шолохов собирался побольше времени провести в селе. «С писателем надо говорить не только о его книгах, поговорим о сельском хозяйстве»,— сказал он в беседе с членами кооператива. Надо было видеть, с какой внутренней заинтересованностью он затронул тему сельской экономики уже в кооперативе «На краю луга» близ Дрездена:

Сколько у вас пахотной земли? Что возделываете? Что еще, кроме раннего картофеля? Какие кормовые травы? Сколько удобрений вносите на поля? Сколько из них минеральных? Сколько коров в стаде? Какой процент жирности молока? Что скармливаете коровам? Забирается ли молоко заводом? Сколько платит государство за молоко?..

А вперемешку снова и снова вопросы о человеческих проблемах и условиях жизни.

В Дрездене на вопрос, как он, несмотря на свои обширные общественные обязанности, успевает писать, писатель рассказал:

— Вы же любите организованный труд. Я бы тоже хотел жить организованно, делить по часам работу и отдых. Но я живу среди своих

ЕЙ

ВЫМ

избирателей. Я не могу установить какие-нибудь часы приема. Избиратели приходят ко мне со своими просьбами, когда у них есть время. Как тут я должен организовывать свой творческий труд? Я уже пробовал совсем рано вставать. Выхожу, например, в четыре утра во двор. А там стоит взволнованная казачка, старая колхозница: «Меня неправильно налогом обложили, помоги мне». Я рассердился: почему даже в этот ранний час я не могу располагать своим временем? И спрашиваю ядовито: «Почему ты пришла в четыре, а не в два ночи? В районный Совет ты идешь только в девять часов, к началу работы?» На это она говорит: «Районный Совет — это власть, а ты не власть, а человек. Кроме того, я с быками еду за горючим, но мои быки не кормлены, они не будут ждать до девяти. Да и не разбудила я тебя совсем, ты сам встал. Так что выслушай меня теперь и сделай что-нибудь». С женщинами не поспоришь, это тяжело, даже с писательницами... Вот вам и организация рабочего дня. Не получилось утром поработать. В общем, позвонил председателю районного Совета: разберись с этим. Он: «Ты с ума сошел, будить меня в пять утра?» Так возникает целая цепная реакция. Но потом в течение часа мы все выяснили, казачка была права. Она, успокоенная, уехала. Для меня три-четыре утренних часа были потеряны. Так что совсем непросто сочетать творческую работу с общественной. Но зато я получаю ясное представление о том, что происходит вокруг меня...

М. А. Шолохов и В. Бредель.

Я ПРИДЕРЖИВАЮСЬ ПРАВДЫ

Многие вопросы к Михаилу Шолохову касались отдельных деталей его творчества. Каких героев своих произведений он сам любит больше остальных, он не выдал:

— Вы меня ставите в трудное положение... Может, это не герой, а героиня? А здесь внизу, в зале, сидит моя жена...

Но, отвечая на форуме в Берлине на вопрос, почему он в финале второй книги «Поднятой целины» дал умереть Давыдову и Нагульнову, Михаил Шолохов раскрыл основной принцип своего творческого труда.

МИХАИЛ ШОЛОХОВ: «Что касается конца, то в одном рассказе у Чехова есть герой, который читает книги только с хорошим окончанием: если книга кончается свадьбой или поцелуем крупным планом. Но не все читатели таковы. Я решился написать конец так, как он соответствует действительности. Вы должны учитывать, что классовый враг во время коллективизации на Дону и на Кубани оказывал ожесточенное сопротивление. Были восстания и массовые убийства коммунистов. Так что не думайте, пожалуйста, что я дал погибнуть Нагульнову и Давыдову потому, что не знал, чем кончить, или хотел ускорить завершение работы. Я придерживался правды».

Не случайно Шолохову задавали вопросы о выборе его героев, ведь они запомнились читателям. И — беспокоятся ли они за судьбу Мелехова или пленяются силой убеждения Семена Давыдова — развитие действия всегда ведет их к более глубокому пониманию революционных преобразований жизни. На встрече в Шверине был задан вопрос, какого героя должен ставить в центр книги писатель — положительного или колеблющегося.

МИХАИЛ ШОЛОХОВ: «Писатель может показывать сильного или слабого, стойкого или колеблющегося героя. Главный вопрос в том, *как* он его показывает. Это зависит от его таланта. Читателя можно побудить полюбить и колеблющегося героя. Но если сделать героя из железобетона, как вот эта колонна, он никому не принесет пользы...

Мои симпатии принадлежат человеку со сложным, богатым интеллектом».

В Карл-Маркс-Штадте Шолохова трижды спрашивали о прототипах его героев. Вопросы касались Соколова из «Судьбы человека», Григория Мелехова из «Тихого Дона» и Давыдова из «Поднятой целины».

МИХАИЛ ШОЛОХОВ: «Человека, как Соколов, я действительно встретил однажды. Я говорил с ним, но, к сожалению, потом потерял его из виду. Не знаю о его дальнейшей судьбе. Но если бы он еще жил, он, конечно бы, дал знать о себе. Писатель не должен всегда только выдумывать. Он должен уметь видеть, искать и находить интересные встречи...

У Мелехова был прообраз, но речь не только об этом. Толстому послужил примером для образа Болконского его кузен, но Толстой же и сказал: «Я не фотограф». Так и с Мелеховым. Был прототип, но Мелехов похож на него лишь очень отдаленно...

Нельзя представлять себе, что каждая фигура романа имеет прототипа в жизни. Оставьте место еще и моей фантазии. Давыдов объединяет в себе черты многочисленных людей из тех 25 000, что пришли тогда на село».

* * *

Десять дней — короткий срок, но они стали событием не только для бесчисленных друзей Шолохова в нашей республике. Он сам уезжал домой с «незабываемыми впечатлениями от ГДР». Неоднократно он вспоминал о том, что уже в 1930 году был в Германии. Тогда он по приглашению Горького направлялся в Сорренто, но добрался только до Берлина, потому что коллективизация сельского хозяйства позвала его обратно, в Советский Союз. Между тогдашними и нынешними визитами пролег горький этап фашистского нападения на Советский Союз. Но теперь он приехал в другую Германию. Это он подчеркнул среди прочего на международной пресс-конференции в Берлине: «Я бы хотел приехать в ГДР во второй раз. Потому что когда я сюда приезжаю, я вижу новое в Германии. Боюсь, что если бы я отправился в Западную Германию, я нашел бы то же самое, что 34 года назад. Это неинтересно для писателя...» Вручение Шолохову профессором Иоганнесом Дикманом Золотого Почетного знака германо-советской дружбы было проявлением благодарности писателю, который своими произведениями способствовал рождению Нового в самой Германии.

Начало см. на стр. 7.

ПОД НОГАМИ — ЗЕМЛЯ

о ужас! На станцию назначения, в адрес колхоза пришел вагон, а в нем сотни бутылей с аммиачной водой. Цистерн тогда еще не было. Что делать? Как вносить? Тяжелехонько пришлось новатору... Пережил насмешки, но ни бутыли не разбили колхозники, и волшебная вода сработала, повысила авторитет агронома и урожайность.

Еще пример. Чтобы жить, надо строить; чтобы строить, нужны деньги, живые деньги, для того, чтобы найти, достать, привезти, возвести, заплатить и тем, кто достал, и тем, кто возвел... Ну, что может дать деньги в таком лесном дальнем углу, где «Наукшены», а люди решили стать богатыми, жить по-людски? Хорошие деньги колхозу дает его лес. Валят, продают, обменивают. Лес — великое дело, но... Денег больше надо. И тогда Висвальдис Скуиньш, агроном по образованию, рискнул: взял тмин. Да, тмин, который любят в Латвии и за ее пределами. Растение прекрасное, высокодоходное, только выращивать его непросто и не у всех шло дело. А в «Наукшенах» взялись за гуж, и здесь дело пошло. Сейчас тмин занимает более пятисот гектаров. Тмин, конечно, риск, но шестьсот (!) процентов прибыли — реальность. Такой он «консерватор», Висвальдис Скуиньш. У меня и посейчас звучит в ушах его трубный баритон, предупреждающий возможное несогласие: «Мужик я. Дипломированный и битый, теперь еще народный депутат, со мной нельзя не считаться...»

Он и главных специалистов подобрал по себе, по своему характеру. Молчуны, но в деле каждый с головой, львиную долю забот берут на себя. Интеллигенты в болотных сапогах. Во многом его выученики.

— Специалисты в колхозе на «беспривязном содержании»,— смеется председатель. Он, оказывается, и в Москве тогда высказал такое свое убеждение: на данном этапе, мол, успех дела решают не отдельные исполнители, пусть даже самые старательные и умелые, а мозговой центр! Штаб, обладающий способностью программировать работу. И не только прогнозировать события, но и воздействовать на человека в поле, на ферме, в мастерской. Бригадир на дальнем поле, как командир окруженной части, должен брать на себя судьбу людей, их заработка, судьбу поля.

— Что значит отличный специалист? — переспросил председатель и с ходу ответил, как давно продуманное: — Смелый человек. И чтобы не уставал учиться! Тот, кто не отклоняется от своего, годами выработанного, проверенного. Шаблон страшен. Но и зуд реорганизаций тоже... Я так подбирал кадры, чтобы люди противостояли всему, что не проверено урожаем, привесами, прибылью.

В конце концов сегодня все решает сельская интеллигенция. Это моя точка зрения! Не канавокопатель, не тракторист или даже доярка, а тот, кто выбрал проект фермы, кто строго следует программе «почва — урожай». И кто играет в такую вот игрушку!

Председатель похвастал подарком Москвы, микрокалькулятором. Палец пробежал по клавишам, и Скуиньш назвал цифры: что было, что достигнуто, что будет через год, через пять...

Этот консерватор (надо бы кавычки поставить) давно уже внедрил систему «почва — урожай». Очень прогрессивное дело, практически это вполне реальная попытка не планировать по телефону или от пресловутого достигнутого уровня, а программировать! И урожай, и доходы.

В колхозном штабе в «Наукшенах» давно сработались с председателем его заместитель по производству и секретарь парткома Айварс Дрейманис, главные специалисты Ильзе Релиня — агроном, Янис Залите — инженер, Алдонис Криеванс — зоотехник. Конечно, есть и строитель, и ветеринарный врач, и экономист, и мелиоратор — полный набор знающих и любящих дело. Они все вместе, штаб колхоза, подняли производственную культуру. Теперь Ильзе Релиня заранее, еще когда снега лежат, готовит для ЭВМ входные данные, чтобы машина ответила, чего и сколько необходимо дать земле и растениям, чтобы намолотить по сорок центнеров зерна с гектара, накопать четыреста пятьдесят центнеров полусахарной свеклы, надоить по четыре тысячи килограммов молока от коровы. Машина подсказывает и варианты: внесете столько-то органики, тогда получите, ну, а если торфяного компоста и навоза не хватит, то недобор составит столько-то... Сначала, например, программу составили на тридцать центнеров зерна с гектара. Потом решили узнать, что надо для урожая в тридцать пять центнеров. Сверили данные ЭВМ со своими возможностями. Поднатужились и через два года добились: сработала система «почва — урожай» по всей технологической линии. На днях Ильзе Релиня и Алдонис Криеванс отвезли на станцию ЭВМ данные для урожая в сорок центнеров и для надоя в четыре тысячи килограммов... Ильзе и ее помощники ведут историю каждого поля и ежегодно берут почвенные пробы для анализов. Машина, она такая: заложишь лживые данные — ложь в ответ получишь.

Висвальдис Скуиньш местный. Здесь родился, здесь и сгодился. Одним из первых среди парней послевоенной поросли когда-то отправился в Ригу, там выбрал, а через пять лет окончил сельскохозяйственную академию. Вернулся домой в Валмиерский район.

— Тут вся моя карьера.— И Скуиньш проиграл грубо отесанным пальцем нечто на микрокалькуляторе. На табло заголубели цифры, быстро сменяя друг друга. Пять цифр — это значит почти двенадцать тысяч (11 620) гектаров угодий. Пашня — 4439... А вот 500 — столько кубов леса продают Финляндии. Свинины производили сто пятьдесят тонн, теперь 1305. На сто гектаров угодий произвели в прошлом году мяса 200 центнеров, молока — 939. Доход в минувшем году (председатель с видимым удовольствием играл на клавишах), доход составил: 7 618 000 рублей. Я думал, табло от нагрузки сгорит!

Цифры такие не утомляют. Они делают Висвальдиса Скуиньша и его единомышленников счастливыми. Приоритет сильного села хоть в районе, хоть в республике несомненен. И несомненно, что интересы колхозов и совхозов давно должны стать интересами всех, кто зависит от них, от их благосостояния. А зависят, можно сказать, все. Но в общем-то верная эта мысль все еще как-то не всеми осознана. Когда-то пора антиэкономики поставила связь между отраслями с ног на голову. Пережили. Вот ведь и Продовольственная программа, думаю, решается не только на земле (в поле), но и в городе. И во многом в городе. В том самом, который из космоса следит за сходом снегов и паводковых вод, который делает ЭВМ для просчитывания программ типа «почва — урожай», который до сих пор не помог селянам перейти на новое поколение техники. Машины — давняя боль председателя Скуиньша: не те, не такие... Продай ему строгальный станок, и тогда бы колхоз не отправлял лес в непотребном виде, задешево, а продавал бы паркетную досочку и так называемую вагонку. Я это к тому, что около 90 процентов основных фондов сельского хо-

зяйства имеют промышленное происхождение. Вот и судите сами, кто и где выполняет Продовольственную программу. А ведь многое из этих фондов требует и приумножения, и просто замены. И еще цифра: за счет сельской продукции и товаров, выработанных из сельскохозяйственного сырья, народ наш получает примерно 95 процентов продуктов питания. Практически все, что на столе сегодня. Так как же не гордиться усилиями, сноровкой, мужеством таких людей, как Висвальдис Скуиньш! Не один он такой, и это помогает понять, что курс на интенсификацию — веление жизни, вольный воздух для сельской экономики. Не один он подчинил и жизнь свою, и все интересы, устремления земле, ее плодородию. Под ногами — земля. Она живет противоречивой жизнью, летит, вращается. Устоять нелегко. Такие, как Скуиньш, устояли и стоят прочно. Председатель на этот раз откровенно развеселился:

— А потому что мы и летим, и вращаемся вместе с ней, нашей Землей!..

Говорят, он неуступчив, бывает резким, излишне прямолинеен. Не знаю. Недолгим было мое пребывание в «Наукшенах». Хотя и почувствовал природное сопротивление председателя многому из того, что со стороны. И еще я убедился, что в колхозе его уважают. Не только потому, что свой, местный, и не только потому, что «академик» (имеет диплом сельхозакадемии), и не только потому, что сами же и голосовали на выборах за его кандидатуру, а за постоянную жесткую требовательность — да, как ни странно. Людям давно надоело работать вполсилы, метаться по району в поисках запчастей, тратить золотое время на перекуры, довольствоваться тощим, а кое-где и условным заработком; короче, надоело не жить здоровой, естественной деревенской жизнью. Висвальдис Скуиньш каждому нашел дело по душе, дал каждому шанс проявить себя. Люди за это уважают — за доверие к их способностям, их личностям. Председатель играет на чувствах, но никогда — на нервах. И ради красного словца не выступает Скуиньш. И ради эффекта никогда никого не распекает прилюдно. Сказал, значит, так оно и есть. Повторять не будет. Не выполнить самому дороже. В этом убедились давно, когда Висвальдис ходил еще в замах.

В «Наукшенах» два магазина, спиртным ни в одном не торгуют. Председатель попросил руководство райпотребсоюза не соблазнять жителей глухого лесного поселка, а план выполнять за счет дефицита. Сразу перестали мужики клубиться возле магазинов, парни присмирели: ни в мастерских, ни в спортзале, ни за рулем пьяных не бывает. Рассказали, что один парень на комбайне съездил за бутылкой в соседний городок. В деревне все знают всё обо всех. Та бутылка лихому комбайнеру обошлась в 900 (девятьсот) рублей.

Один аспект жизни, а говорит о многом. И главное, о нравственной атмосфере в этом колхозе. Женщины — матери и жены — искренне благодарны председателю за такое его своеволие, за его твердую политику. Зато в колхозе много лет бурлят шахматные страсти! Шахматы, как и огнетушитель, приданы каждому комбайну; они и на фермах, и в бригадных вагончиках, и в кабинете председателя. «Хочешь, чтобы твое предложение рассмотрело правление? Сначала выиграй у председателя!» Шутка, но сколько за ней жизни и подлинного содружества. Когда-то со скрипом собрали простенький оркестр, а теперь — три эстрадных коллектива! Один, лучший, ангажирует Валмиерский ДК. Хорошие примеры заразительны.

...Давно остыл тминный чай. Напиток ярко-зеленый, весьма оригинальный, экзотический.

За окном — синий вечер; стучал дождь по стеклам, стучали на стройке, там мраморщики облицовывали фойе нового Дворца культуры, от них доносилось вместе со стуком магнитофонное: «Материнства не взять у земли...»

О подобном писал в одном из писем шестидесятивосьмилетний Л. Н. Толстой: «...был за городом на велосипеде, видел, что пашут, и слышал жаворонков, и как пахнет распаханной землей. И очень захотелось другой жизни...»

Председатель сожалел, что я рано приехал, а надо бы осенью, когда будет готов Дворец культуры: пятого ноября открытие.

— А вдруг?..

— Никаких вдруг. Программа просчитана, отработана, запущена... Никакой рекламы. Мы тут живем. Это наша жизнь. Она должна быть еще лучше, только не подумайте, что наступит время, когда работы станет меньше. Так не бывает. Работы будет все больше, экономика сильного хозяйства заставит.

Висвальдис Скуиньш немолод, но он хорошо помнит с самого детства, как умеет луговая птица отвлекать пришлых от родного гнезда; она медлит, жалобно пищит, тащит по траве крыло, припадает к тропе... Он давно понял главное или почти главное в жизни: за птицей не надо бежать. За птицей надо лететь! Самому лететь, на собственных крыльях, на человеческих. И еще всегда, кажется, всегда знал, что птица остается там, где ее гнездо. Судьба человека, его жизнь плодотворна там, где его гнездо. Пусть это не закон для всех, но закон для таких, как он, Висвальдис Скуиньш, человек с крепкой крестьянской психологией, очень современный вожак колхоза, затерянного в лесах Видземе. А противоречия в нем, так они еще и от возбуждения весеннего! От поры сокодвижения, от чистого дыхания пашни. Весна нынче такая смелая, и особенно хороша она после опостылевших холодов.

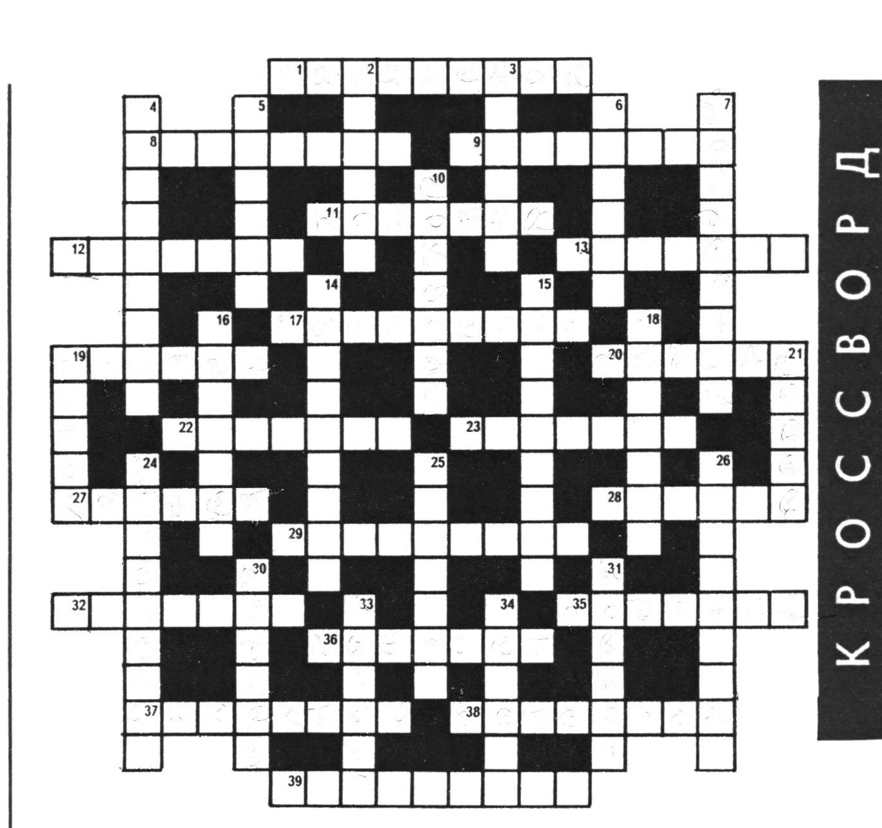
Вот и лес, обступивший поселок, тоже возбужден, гудит, трубит. Лось прошел, словно танк о четырех ногах, и ливанула сверху светлая вода. «А там днем все дождь, да и днем все дождь...» А под ногами — земля.

Москва. Красная площадь, 9 Мая 1985 года.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Знамя Победы!

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Парад в честь 40-летия Победы.
Фоторепортаж вели Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ, А. ГОСТЕВ и А. НАГРАЛЬЯН.

КРОССВОРД

АВТОР ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ИХ ПЕРСОНАЖЕЙ, УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ,— М. А. ШОЛОХОВ

По горизонтали: 1. Один из «Донских рассказов». 8. Героиня романа «Тихий Дон». 9. Комендант трибунала в рассказе «Продкомиссар». 11. Строевой порядок войск. 12. Писатель, автор книги «Время «Тихого Дона». 13. Рассказ из сборника «Лазоревая степь». 17. Род сухопутных войск. 19. Вооружение противника, захваченное победителем. 20. Сюжетная основа художественного произведения. 22. Учительница в романе «Поднятая целина». 23. Секретарь комсомольской ячейки в повести «Путь-дороженька». 27. Птица семейства соколиных. 28. Комсомолец в рассказе «Пастух». 29. Героиня романа «Поднятая целина». 32. Народный артист СССР, кинорежиссер, снявший фильм «Поднятая целина». 35. Один из «Донских рассказов». 36. Звание, присуждаемое за выдающиеся заслуги. 37. Центральная газета, в которой публиковались рецензии на ранние рассказы М. А. Шолохова. 38. Подразделение полка. 39. Боец, один из героев романа «Они сражались за Родину».

По вертикали: 2. Народный артист СССР, исполнитель роли Давыдова в «Поднятой целине» на сцене Ленинградского Большого драматического театра. 3. Лукошко для ловли пчел. 4. Рассказ из сборника «Лазоревая степь». 5. Казак-красногвардеец отряда Подтелкова. 6. Подстилка под седло. 7. Народный артист СССР, режиссер и киноактер, снявший фильмы «Судьба человека», «Они сражались за Родину». 10. Герой рассказа «Судьба человека». 14. Специальная сумка для ружейных зарядов. 15. Город в Ростовской области. 16. Бас, народный артист СССР, солист Ансамбля песни и пляски Советской Армии. 18. Форма тактической и оперативной подготовки войск. 19. Прозвище персонажа в романе «Поднятая целина». 21. Поэт, автор слов песни «Конница Буденного». 24. Советский график, иллюстратор произведений М. А. Шолохова. 25. Преграда поперек траншеи для защиты от обстрела. 26. Действующее лицо оперы И. И. Дзержинского «Тихий Дон». 30. Советский писатель, сказавший о М. А. Шолохове: «...более талантливый среди нас». 31. Степной кормовой злак. 33. Диаметр канала ствола огнестрельного оружия. 34. Представитель народа, живущегов Хабаровском крае.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали: 3. Галактионов. 5. Саади. 7. Кантата. 8. Лопахин. 10. Каботаж. 12. Терскол. 14. Иравади. 16. Петропавловск. 17. Условие. 19. Изразец. 21. Триммер. 24. Пылесос. 25. Еврипид. 26. Ситец. 27. Аннакулиева.

По вертикали: 1. Кассава. 2. Горилла. 3. Гротеск. 4. Веранда. 6. Аккомпанемент. 7. Калейдоскоп. 9. Норденшельд. 10. Кларнет. 11. Житомир. 13. Сопло. 15. Венша. 18. Вычегда. 20. Радиола. 22. Рассказ. 23. Елецкий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

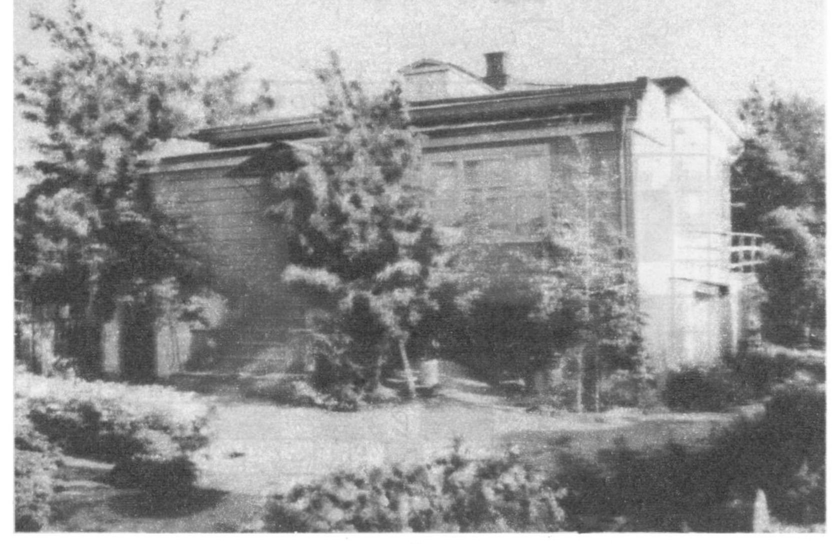
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

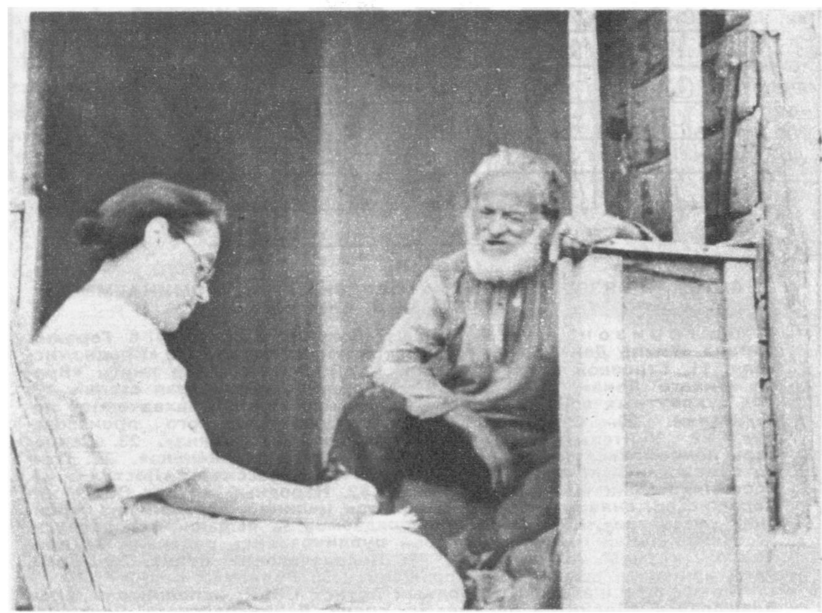
Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 25.04.85. Подписано к печати 14.05.85. А 00359. Формат 70×108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 560 000 экз. Изд. № 1311. Заказ № 591.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП. Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Дом в Вешенской, где Шолохов работал над «Тихим Доном».

Рассказы «деда Щукаря».

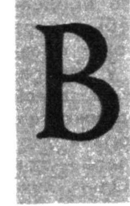

На родине писателя. Хутор Кружилин.

Песни казачек.

Фото В. МОЛЧАНОВА

Во многих литературных музеях страны бережно хранятся фотографии Виктора Сергеевича Молчанова, замечательного мастера фотопейзажа памятных мест, связанных с жизнью и творчеством классиков русской и советской литературы. Сразу после войны пришел Виктор Сергеевич в Государственный литературный музей и проработал там долгие годы. Он много и без устали путешествовал по стране, забираясь в самые отдаленные, самые малодоступные уголки, где когда-то жили и работали поэты и писатели, ставшие гордостью отечественной культуры. Молчанов никогда не спешил. Пешком или на велосипеде он прошел и проехал тысячи километров, разыскивая заброшенные усадьбы, разрушающиеся памятники, оставляя для потомков в своих снимках неповторимые по красоте картины русской природы, вдохновлявшие когда-то художников на великие строки. Очень многим любителям литературы работы В. С. Молчанова открыли прелесть родных мест Тургенева реалиста, надо узнать его землю, вглядеться в лица людей, ставших его героями, услышать их речь, песни, припасть к родникам, которые питали его талант. У экспедиции на Дон была обширная и непростая программа: сбор казачьего фольклора, запись воспоминаний о старом казачестве и гражданской войне на Дону и, конечно, подробная фотосъемка — донских ландшафтов, станиц и хуторов, портретов старых и молодых станичников, многие из которых, казалось, сошли со страниц шолоховских книг.

— Это была совершенно незабываемая работа,— вспоминает Виктор Сергеевич.— Мы путешествовали по земле великого писателя, живого классика и как бы заново перелистывали его тома. И по истечении десятилетий я могу уверенно утверждать, что по-настоящему почувствовать гениальный «Тихий Дон» мне помогла наша экспедиция. Теперь в тех местах разворачивает работу Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова. Миллионы людей, как мы когда-то, смогут прикоснуться к истокам великих книг.

Хотя, конечно, многое изменилось с тех давних уже пор, о ко-

ПОЕЗД

и Фета, Лермонтова, Пушкина, Блока... Часто Виктор Сергеевич находил затерянные, забытые, как бы растворившиеся в окружающей природе остатки соловьиных садов XIX века и усадебных парков, точно и выразительно фиксировал на пленке уцелевшие еще реалии, которые сейчас, когда настало время реставрации многих памятников, создания в них музеев, литературно-мемориальных заповедников, казалось бы, исчезли без следа, безвозвратно. Поэтичность работ В. С. Молчанова сочетается со строгой достоверностью, точной документальностью — это основная черта таланта художника-фотографа, исследователя литературных памятных мест.

Среди многих близких и дальних его экспедиций одной из самых запоминающихся было путешествие на Дон, в край, связанный с жизнью и творчеством Михаила Александровича Шолохова. Тридцать пять лет тому назад, в 1950 году, группа сотрудников Гослитмузея работала на обширной территории междуречья Дона и Северского Донца. Личность М. А. Шолохова, его жизнь и творчество давно привлекали широкое внимание читателей его книг. Интересна была каждая подробность, всякая деталь, которая могла помочь глубже проникнуть в произведения замечательного мастера. Верно считается: чтобы по-настоящему понять писателя-

торых писал Шолохов. И люди, и природа, и дома. Лишь Дон все так же величаво стремит свои воды. И, быть может, мои работы в какой-то мере помогут работникам музея-заповедника в создании той атмосферы, в которой жил и работал замечательный писатель.

А самого его мы тогда не застали,— вспоминает, доставая фотографии, Молчанов.— Вешенская была последним пунктом нашего маршрута. После Каменска, центра борьбы за установление Советской власти на Дону, отдаленных станиц Калитвенской и Каргинской, родины писателя хутора Кружилина мы приехали в Вешенскую, с которой знакомила нас Мария Петровна, кстати, наотрез отказавшаяся сниматься. Но она очень много и интересно рассказала о жизни в Вешенской, показала старый дом, где Шолохов работал над «Тихим Доном», провела по наиболее интересным уголкам станицы.

...Материалы той экспедиции, прозорливо организованной и талантливо проведенной научными сотрудниками Гослитмузея, вызвали широкий общественный интерес, а фотографии Виктора Сергеевича Молчанова в свое время показали многим почитателям таланта великого Шолохова красоту донской земли.

С. СОЛОВЬЕВ

Станица Калитвенская.

КА НА ДОН

ФОТОГРАФИИ
1950 ГОДА

Дон в окрестностях Вешенской.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663